

ЮРИЙ КОПЫТИН

ЗОЛОТОЙ ДУРМАН

Книга первая

Испить чашу до дна

Юрий Копытин

Золотой дурман. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66583136

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-94072-7

Аннотация

Основано на реальных событиях... Золото – оно на протяжении многих веков бредило души алчных людишек: убийства, подлости, предательства – вот не полный список пороков, которыми золотой дурман отравил души искателей жёлтого металла. Действие романа происходит в 18-ом веке на юге Западной Сибири. На доселе неизведанную Телеуцкую землицу, обратила внимание императрица Екатерина II. Всё, что пришлось пережить главному герою вы узнаете, прочитав этот приключенческий роман...

Содержание

Мирон	5
Загадочная кража	51
Сибирь	76
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Юрий Копытин

Золотой дурман.

Книга первая

*Золото – оно, как дьявольская
приманка для алчных людей,
проглатывает их души,
делая рабами жёлтого металла.*
Автор

Мирон

...Ласковое утреннее солнце, позолотив верхушки берёз, медленно поднималось над горизонтом. Под его тёплыми июльскими лучами бесследно исчезали последние капельки росы, усеявшие яркими бриллиантами сочные луговые травы. Разноголосый птичий гомон заполнил раскинувшиеся вокруг помещичьих поместий берёзовые рощицы...

– Мирон, ну куда ты в воду лезешь! – схватила за руку бойкого малыша высокая статная женщина.

– А я хотю вот тех цветотытков налвать, – указал он пальчиком на растущие в озере кувшинки.

– Глупенький, разве можно по водичке ножками пройти? Вот позавтракаем и попросим у твоего батюшки дозволения на лодке к тем цветочкам сплавать, – ответила гувернантка, смахивая упавшую на глаза прядь русых волос.

– Ула! Батюска обязательно лазлешит, – запрыгал от радости мальчуган.

– Идите завтракать! – раздался с крыльца голос кухарки.

– Ну, ещё маленьенько погуляем, – просительно глянул в глаза воспитательнице Мирон.

– Сперва позавтракаем, – твёрдо ответила та и, взяв малыша за ручку, повела по мощёной дорожке к дому.

Аппетитный запах печёных пирогов ударил из открытого окна.

– Ну вот, твои любимые пироги с черёмухой к завтраку подали, – ласково посмотрела на Мирона гувернантка.

– А чтобы тебе веселей было кушать, мы посреди стола поставим вот эти цветочки, – она указала взглядом на собранный по опушкам букет полевых цветов...

Отец Мирона, Василий Афанасьевич, сидя в кресле, увлечённо читал последний номер журнала «Свободные часы», привезённый из столицы его соседом по поместью.

– Это ж надо, как рьяно выступает за императрицу редактор Херасков! Помнится, в его прошлом издании... э-э-э-э-э, как же его?.. А-а!.. Вспомнил – «Полезное увеселение» он также пособничал Петру III, а на престол взошла Екатерина! – вот он и оплошал... Так теперь вину перед государыней заглаживает...

Василий Афанасьевич, помещик средней руки, имел семьсот душ крепостных крестьян, проживающих в двух деревнях Смоленской губернии. Закончив военную службу капитаном гвардии, он осел в родовом поместье.

Ладно срубленный двухэтажный бревенчатый дом стоял в окружении берёзовых рощ, оставляющих место лишь огромной поляне, раскинувшейся перед имением. Большой пруд с беседкой на берегу лежал не более чем в тридцати саженях от дома. Заросший с противоположного берега кувшинками, он удачно вписывался в общий колорит поместья...

Какими светлыми картинками вспоминались позже эти пейзажи, где ещё совсем маленьким Мирон любил гулять с

няней по обрамлённому редкими берёзками берегу пруда.

Анна Петровна, вдова разорившегося помещика Ивана Лачинова, всякий раз пыталась привить своему подопечному любовь к окружающему миру. Женщина грамотная и начитанная, она дала ему первые познания в чтении, письме и арифметике.

Зная о большой нехватке хороших учителей по России, Василий Афанасьевич упросил гувернантку заняться домашним обучением сына.

В то время редко кто, даже из крупнопоместных помещиков, мог похвастаться хорошими учителями для своих чад. В большинстве своём это были иностранцы: французы, немцы, многие из которых отлично владели только одним предметом – родным языком, в остальных же науках были полными невеждами.

Да вот только не прошло и трёх лет, как Мирон стал обучаться грамоте, получила Анна Петровна послание от своей бездетной сестры из Московской губернии. Та сетовала на то, что муж её два месяца назад как помер, оставив ей небольшое наследство, а сама она больна и просит сестру побыть рядом, скоротать её одиночество в последние годы жизни.

С тяжёлым сердцем отпустил Василий Афанасьевич гувернантку – а что поделаешь? Не крепостная – не удержишь. Где теперь продолжить обучение Мирона? Ведь от его знаний будет зависеть его дальнейшее будущее. Жаловать будут

по освоенным наукам, а неучёному одна дорога – в рядовые канониры.

По совету своего соседа, отставного полковника Григория Воронцова, для дальнейшего обучения своего сына Василий Афанасьевич определил его в Смоленский пансион. Помимо арифметики, чтения и письма, здесь были представлены: история, география, геральдика и другие неизвестные доселе Мирону предметы. Справедливости ради следует сказать, что качество обучения этим предметам далеко не соответствовало плате за обучение: сто «рублёв» в год – немалые по тем временам деньги.

Директор пансиона, господин Эллерт, был абсолютным невеждой во всех науках, разве что за исключением французского языка, и за малейшие оплошности в изучении оно-го бил нещадно длинной деревянной линейкой-ферулой.

Мирону, считавшему французский язык ненужной прихотью для общения, не раз доставалось испытать на себе эту экзекуцию.

– Перечить моему нраву?! – орал на него взбешенный директор, услышав русскую речь на уроках французского, и тут же пускал в дело ферулу, ещё больше распаляясь от того, что Мирон молча сносит побои...

Вот так проходили годы, но знаний от такой учёбы прибавлялось немного...

В тот день директор был особенно не в духе, со свирепым видом ходил между притихшими воспитанниками, склонив-

шимися над решением арифметической задачи. Мирон, выполнив задание, мечтательно смотрел в окно на проезжающие мимо экипажи. Стуча колёсами, они проносились по центральной улице, обдавая пылью не успевших отскочить в сторону прохожих. Сильный удар ферулой по спине враз прервал его мысли.

– Чего бездельничаешь?! В окно уставился! – прокричал над его ухом Эллерт.

– Я уже выполнил задание, господин директор, – ответил Мирон.

– Как? Так быстро?! Неправильное решение, – едва взглянув на первый лист выполненной задачи, грозно заключил он.

– Почему неправильное?! – возмутился юноша. – Как вы можете судить?! Вы только поверхностно взглянули на мою работу, не удосужившись прочесть её до конца!

– Заткнись, невежда! – помахивая ферулой, вскричал директор.

– Невежда – это вы! – потеряв самообладание, гневно выкрикнул Мирон. – Единственное, что вы в совершенстве знаете – это французский язык!

– Что!.. Что?! – задыхаясь от ярости, прошипел Эллерт.

В классе воцарилась мёртвая тишина, ученики сидели, втянув голову в плечи от страха, представляя последствия от последних слов Мирона.

– Да я тебя розгами до полусмерти отхлестаю! – взревел,

багровея от злости, директор. – На скамью его! – крикнул он в класс и кинулся в угол комнаты, где стояла бадья с замоченными в воде тонкими, длинными прутьями.

Несколько учеников нерешительно приблизились к Миرونу, опасаясь: удастся ли справиться им с этим крепким юношей.

– Чего медлите?! Хватайте его! – грозно приказал директор, набирая в руку толстый пучок розог.

– Прочь с дороги! – отшвырнул Мирон первого приближившегося ученика и, хлопнув дверью, покинул помещение.

С решимостью больше никогда не возвращаться в пансион Мирон вернулся в родное поместье. Отец, наслышанный об уровне знаний учителей пансиона, не стал упрекать сына в содеянном. При таком обучении он вряд ли мог основательно освоить арифметику и геометрию, и тогда, к шестнадцати годам, при очередной проверке знаний в губернском управлении, у него была бы одна дорога – в матросы или солдаты...

Василий Афанасьевич крепко задумался по поводу дальнейшей судьбы сына. Ему не жалко было тех денег, что он выкинул за обучение Мирона в пансионате; рушились его мечты – увидеть в сыне продолжателя офицерской линии Кирьяновых. Но решение этой семейной проблемы пришло откуда не ждали: не прошло и трёх месяцев, как Мирон покинул пансион, – получил Василий Афанасьевич длинное послание от своей бывшей гувернантки.

Анна Петровна слёзно описывала её теперешнее положение. После смерти сестры ей досталось по наследству всё её небогатое имущество. Оно бы, конечно, скромно жить можно, но здесь откуда ни возьмись появились невиданные раньше «родственники», заявляя свои права на наследство. Не было желания у Анны Петровны вступать с ними в тяжбы – бросила бы всё, да уехала. Но куда? Те небольшие деньги, оставшиеся после смерти сестры, были почти все потрачены, родственников – никого, да и характер у неё не скандальный. А «родственнички» наседают, угрожают физической расправой, коли добровольно не отречёшься от наследства. Куда ей одинокой женщине податься? Вот и просит она бывшего своего благодетеля не отказать в своей просьбе – дать какую-либо работу и кров над головой.

Обрадовавшись такой новости, Василий Афанасьевич приказал своему управляющему срочно ехать в Московскую губернию, разрешить все судебные споры и без Анны Петровны не возвращаться...

Вскоре обучение Мирона было продолжено, благодарная гувернантка с большим усердием и мастерством подготовила Мирона к обязательной проверке на знание необходимых предметов...

– Похвально, похвально! – оценил его знания старенький статский советник. – Ну, сударь, где думаете продолжить обучение?.. Дома?.. Вижу, грамотный учитель вас подготовил, – обратился он скорее к отцу, чем к Мирону.

– Ваше высочородие, я бы хотел, чтобы Мирон продолжил обучение в Артиллерийском кадетском корпусе, чтобы освоить военные науки, – объявил о своих планах Василий Афанасьевич.

– Хорошее решение, – одобрил чиновник. – Я подготовлю протекцию директору кадетского корпуса Михаилу Ивановичу Мордвину. Думаю, что он беспрепятственно возьмёт в обучение такого способного молодого человека, – сказал он и пожал на прощание руки отцу и сыну...

И вот Мирон стал осваиваться с кадетской жизнью: в шесть часов утра подъём, в семь – молитва и завтрак, а после – до шести часов вечера – занятия с перерывами для приёма пищи. Но обучение не ограничивалось одной теорией, много внимания уделялось практике: строевые занятия на плацу, верховая езда, фехтование, стрельба – все это также входило в программу обучения. Больше всего Мирону нравилась жизнь в лагере на Выборгской стороне, где приходилось осваивать практические навыки в артиллерии и упражняться в меткости стрельбы – тут ему не было равных. И, конечно же, ожидание воскресенья, когда успешным воспитанникам предоставлялась возможность отправиться гулять на острова и в Летний сад...

Жизнь в Санкт-Петербурге пролетела как одно мгновение. Показав отменные знания на ежегодных генеральных экзаменах, Мирон был удостоен похвалы – начать службу с офицерского звания «подпоручик». Ему дозволили побы-

вать в родном имении, а через три месяца он должен был явиться в столицу и получить направление к месту прохождения службы...

Отец, довольный успехами сына, первым обнял Мирона и, взяв за руку, повёл к матушке и гувернантке. Матушка, Софья Михайловна, прослезилась от счастья, увидев повзрослевшего сына.

– Мирон, неужели это ты?! – всплеснула руками, выполняющая обязанности экономки, его бывшая гувернантка. – Повзрослел, возмужал, – ходила она вокруг своего воспитанника, не веря своим глазам: высокий, статный, крепкого телосложения, он совсем не был похож на того Мирона, с которым она гуляла по берегу пруда.

Василий Афанасьевич, решив отметить приезд сына, пригласил на вечеринку всех окрестных помещиков и знакомых...

– А ну-ка, ну-ка, дайте мне обнять новоиспечённого офицера! – с улыбкой протянул руки к Мирону отставной полковник Григорий Воронцов. – Наслышан, наслышан о ваших успехах, сударь. Вот хочу представить вам: дочь моя – Елизавета, – указал он рукой на рядом стоящую стройную, красивую барышню. – Вы, наверное, не помните её?.. Ведь всё в учении: в Смоленске, в столице... – и, не желая более стеснять молодых, взял под руку жену Алевтину и отошёл вглубь зала.

Елизавета, слегка покраснев, смущённо опустила глаза.

– Я слышала, сударь, что вы пять лет прожили в столице? – приятным и тихим голосом спросила она после недолгого замешательства.

– Верно, сударыня... – растерявшись, коротко ответил Мирон, не находя более подробного ответа.

– Как бы я хотела побывать в Санкт-Петербурге! – вскинула вверх свое юное личико Елизавета. – Вы мне непременно расскажите об этом городе, – с просящими нотками в голосе произнесла она.

– Конечно, расскажу, – улыбнулся Мирон.

– Елизавета, нехорошо лишать нас удовольствия пообщаться с Мироном Васильевичем, – грубо прервав их разговор и натужно улыбаясь, подошла к ним, в окружении сына и двух дочерей, помещица Лачинова...

По всей округе ходили слухи о её неумеренном желании устроить жизнь своих великовозрастных дочек... Вдова статского советника, она совсем недавно, продав свою собственность в Калужской губернии, переехала в имение умершего деверя – одинокого помещика, завещавшего всё своё имущество племянникам. Хотя Агапия Елизаровна и слыла нежной и заботливой матерью, но по отношению к крепостным это был чистый демон. Больше всего доставалось поварихе, ежели та не могла угодить вкусам её сынка Модеста, любившего полакомиться щами с гусиными потрошками. Когда садились за стол, все с нетерпением ждали реакции будущего хозяина, особенно волновалось повариха.

Ежели после нескольких ложек супа на его полном лице появлялась улыбка, повариха с облегчением вздыхала, а Агания Елизаровна давала команду к началу обеда.

– Иди уже, работай! – кивала она на дверь поварихе. – Чего без дела толчешься?

Ну, а коли Модест, скривив губы, давал понять, что щи ему не по вкусу, тогда матушка давала волю своему гневу:

– Отравить нас хочешь, лиходейка! – побагровев лицом, кричала она. – А ну-ка, давай ешь всё дочиста! – указывала она поварихе пальцем на огромную супницу...

– Моченьки моей больше нету! Помилосердствуйте, барыня! – призывала к сердобольности Ефросинья, откушав добрую половину варева.

– Наум! – кричала барыня лакею. – Тащи розги!.. Бей, пока всё не съест!..

– Будет тебе наука, как щи готовить! – злорадно ухмылялся Модест, наслаждаясь экзекуцией...

– Мои дочери Клавдия и Гликерия, – указала Лачинова на пышной комплекции дам, слегка присевших и махнувших головками. – Мы недавно поселились в Смоленской губернии, так что хотелось бы, чтобы вы подружились с моими детьми, – бросила она многозначительный взгляд на дочерей.

– А это Модест – сынок мой – будущий хозяин, – подтолкнула она вперёд такого же полного, в топорщащемся на животе кафтане юношу. – Такой уж скромница... Познакомь,

говорит, с Мироном Кирьяновым, а сам-то стесняется подойти. Недаром его Модестом называли – «скромный» значит. Уж больно ему Лизонька Воронцова нравится, так вы бы как-то посодействовали их знакомству, а мы в долгу не останемся, – остановила она улыбочиво-вопросительный взгляд на Мироне.

– Ну вот – считайте, что мы познакомились, а по поводу Лизы – решать не мне... – вежливо улыбнулся Мирон и, учтиво раскланявшись, отошёл к гостям, но тут заметил своих бывших приятелей детства: Андрея, Викентия и Герасима, смущённо стоящих в стороне. – Простите, господа, пойду с приятелями поздороваюсь, – извинился он перед гостями. – Здравствуйтесь, здравствуйтесь, друзья! – протянул он руки для объятия. – Что же вы не подходите, а я уж грешным делом подумал, что забыли меня.

– Ну что вы, Мирон Васильевич!? Как можно-с, – извиняющимся тоном ответил Андрей. – Ждём-с, когда вы с гостями поздоровкаетесь.

– Да брось ты это величание! Кличьте меня как прежде – просто Мироном, – дружески хлопнул он по плечу Андрея.

– Да тут о вас такой слух пошёл, что мы в раздумье: какой-такой большой господин к Кирьяновым приезжает? – подал голос Герасим.

– Ну, слухи есть слухи, да только никакой я не господин, а обыкновенный выпускник Артиллерийского кадетского корпуса, – по-простому ответил Мирон. – Ну, а ты, Викентий,

чего молчишь? – повернулся он к худому, высокому рыжеволосому парню.

– Да чего говорить. Рады мы за тебя, Мирон – и в люди себе дорогу пробил, и перед друзьями не возгордился. Теперь тебе от местных невест отбоя не будет. Вон, Елизавета, никого к себе не подпускает, а тебя сразу заприметила, – чуть-чуть покраснев и подёргивая правым глазом от волнения, произнёс он.

– Что вы меня сразу в женихи пророчите? – удивлённо вскинул брови Мирон. – Поговорили с ней немного, да и только.

– Хм! – хмыкнул Викентий. – Нам-то не знать. Да за ней все парни в округе волочатся, а вот таким взглядом – как тебя – никого ещё не одаривала.

– Верно говорит Викентий, – улыбнулся Андрей. – Уж он-то хорошо изучил характер госпожи Воронцовой: два года добивается её внимания, а она даже не глянет в его сторону.

– А чего ей смотреть на Викентия, не для него эта пташка, – высказал своё мнение Герасим. – Ей богатый жених нужен, да чтобы успешен в службе был – вот ты-то, Мирон, как раз ей под стать. А что Викентий? Ни денег, ни званий – приказчик в лавке у купца Лукина, да и того гляди выгонит. Викентий до карт охоч, а Лукин ох как не уважает это дело... Ну что ты нахмурился, Викентий – чего обижаться-то? – вопросительно глянул на товарища Герасим. – Смотреть больно, как ты за Елизаветой увиваешься, да толку-то от этого...

– Да, конечно, понимаю я: не по себе дерево рублю, – согласился Викентий.

– Но как сказать, сегодня ни денег, ни званий, а завтра глядишь – всё наоборот, – интригуяще закончил он.

– Это как?!.. – непонимающе уставились друзья на Викентия.

– Ну, чего рты разинули? Дядька у меня под Киевом – богатый помещик. Нет у него других родственников, так что выходит – я единственный наследник.

– Чего же молчал?.. Тогда другое дело, – присвистнул Андрей. – Можешь намекнуть Алевтине Воронцовой по поводу наследства. Там, как мне кажется, решающее слово за ней. Может, тогда и с Лизой всё сладится.

– Да хватит уже об этом долдонить, – отмахнулся Викентий. – Расскажи лучше, Мирон, как там жизнь в столице?

– Давай рассказывай! – поддержали его товарищи.

– Ну, хорошо, как-нибудь соберёмся отдельно, я и расскажу, а сейчас к гостям надо идти, – заметил он направленные в свою сторону нетерпеливые взгляды приглашённых.

И вечер пошёл своим чередом...

– Непременно, непременно к нам – милости просим, – слегка поклонился Воронцов, когда гости далеко за полночь стали разъезжаться по домам...

Как хорошо было после долгих лет строгости, порядка и учёбы предаться ничегонеделанью... Рано утром Мирон

прыгал в седло резвого жеребца и, поднимая пыль, галопом мчался среди стройных берёз, цветущих лугов, покрытой утренним туманом серебряной ленты реки, вдыхая полной грудью утреннюю свежесть просыпающейся природы. После чего купался в пруду, отфыркиваясь фонтанами брызг от прохладной воды и растянувшись на мягкой траве, подставлял своё тело ласковым лучам утреннего солнца.

– Сударь, завтрак готов. Пожалуйста к столу! – кричала из открытого окна Анна Петровна.

Мирон вскакивал, накидывал на себя фрак и ещё на подходе к дому улавливал идущие от кухни ароматные запахи.

– Давай-ка, я тебя обслужу, – хлопотала вокруг него бывшая гувернантка, выставляя на стол приготовленные блюда.

А в центре стола, как и прежде, в детстве, красовался соборный Анной Петровной букет полевых цветов.

...Тихая, размеренная жизнь округа враз оживилась с приходом Мирона. Каждую неделю то один, то другой помещик – особенно те, кто имел дочерей на выданье, устраивали приёмы, куда непременно приглашали Мирона Кирьянова.

На вечеринку к помещице Лачиновой Мирона затащили чуть ли не силой...

– А вот и сам Мирон Васильевич пожаловали, – беспардонно подхватила под руку Мирона дочь хозяйки Гликерия и потащила в залу.

– Сударыня, право мы с вами не настолько знакомы, чтобы вы так бесцеремонно хватали меня под руку, – попытался

приструнить барышню Мирон.

Но та, будто не слыша его слов, предстала уже перед матушкой.

– Какая пара! – всплеснув руками, воскликнула Агапия Елизаровна. – Ну, хоть шас под венец!

– Вижу, Гликерия ему по нраву – вишь, сразу уже и под ручку, – подхватила её подруга Илария Карповна.

Мирон, не зная, как избавиться от навязчивых барышень, при первом удобном случае, ссылаясь на плохое самочувствие, распрощался с присутствующими, оставив обескураженных дам на попечение своих друзей.

Следом за помещицей Лачиновой об устройстве вечеринки объявил Григорий Воронцов – самый видный в округе помещик. Он сразу же отослал приглашение Кирьяновым, в котором особенно просил Мирона непременно присутствовать на торжестве...

Поместье Воронцовых заметно выделялось среди окружающих его соседей, разве что Василий Кирьянов мог в чём-то потягаться с ним. Большой деревянный дом стоял на высоком каменном фундаменте. Неподалёку от хозяйского дома расположился каретный сарай и конюшня, за ними шли хозяйственные постройки, две бани для хозяев и дворовых слуг, а вдалеке на задах притулились людские избы, здесь жили: кучера, садовники, скотники... Особой примечательностью местности была расположенная рядом с имением каменная церковь, колокольным звоном собирающая окрест-

ных жителей на молебен. Вот и сейчас, когда почти все гости съехались, церковь встретила их звоном колоколов. Это звонарь, по просьбе Воронцова, ударил без перебора, всеми колоколами вдруг. А у поместья дворецкий и двое лакеев встречали приезжающих гостей и учтиво провожали их в дом...

Огромная, светлая зала едва вместила всех приглашённых. И вот перед гостями явился празднично одетый хозяин дома. Под руку с ним, сверкая бриллиантами, вышагивала Елизавета. Стараясь горделиво держать головку, она всё же искоса одаривала взглядом присутствующих. Алевтина шла по другую сторону мужа, слегка кланяясь гостям направо и налево. Она то и дело протягивала руку и помахивала ей как для приветствия, выставляя напоказ изумительной красоты браслет, усыпанный сапфирами и изумрудами. Застывшая улыбка на её лице говорила, скорее, «ой, как вас много», чем «я рада видеть вас...»

– Свечей! Дайте больше света! – повелительно крикнул Воронцов своим лакеям.

И без того светлая зала враз озарилась множеством огней, разными цветами отразившимися в бриллиантах колье на шее Елизаветы. Она поистине предстала как дивный цветок среди сорняков, затмив собой всех присутствующих барышень.

– Ну, как, сударь, ваше обещание рассказать мне о жизни столицы? – подойдя к Миرونу, игриво вскинула она брови.

– Я непременно вам расскажу обо всём, что видел в Санкт-Петербурге, – учтиво ответил он, чувствуя на себе ревнивые взгляды кавалеров, глотающих завистливую слюну.

– Хорошо, приезжайте к нам послезавтра отобедать, заодно и выполните ваше обещание, – слегка наклонила она голову, прикрывшись украшенным драгоценностями веером.

– Рад буду вновь увидеть вас, сударыня, – галантно поклонился Мирон.

Друзья Мирона стояли поодаль, шокированные великолепием Елизаветы, не могли оторвать от неё взгляда. Викентий, разинув рот, часто дёргал правым глазом, не в состоянии подавить своего волнения...

Вечеринка удалась на славу. Приглашённые музыканты старались изо всех сил, создавая праздничную атмосферу. То ли случайно, то ли нарочно, но, когда объявляли танец, Лиза всегда оказывалась подле Мирона, оставляя обескураженными кавалеров, желающих пригласить её. Да и Мирон постоянно старался отыскать глазами королеву вечеринки. Григорий Воронцов с супругой не без удовольствия замечали свою дочь в обществе этого галантного кавалера.

– Достоянная пара нашей Лизоньке, – указывала в сторону молодых Алевтина.

– Да, очень способный юноша, да и наследством отец не обидел, – соглашаясь, одобрительно кивал головой Григорий. – Не удивлюсь, если эдак, скажем, лет через пятна-

дцать-двадцать он посетит нас в звании генерала, – мечта-тельно поднял он глаза...

Время уже перевалило за полночь, когда гости, разбирая экипажи, стали разъезжаться по домам.

– Ну, так я буду ждать вас послезавтра к обеду, – помахала рукой Миرونу Елизавета...

Утром, едва только Мирон закончил завтрак, в двери тихонько постучали.

– Сударь, – обратилась к нему служанка. – Вас господин Викентий спрашивают.

Мирон быстро собрался и вышел к ожидающему его товарищу.

– Ну, как отдыхается в родных местах?! – хлопнул его по плечу Викентий. – А мы тебя хотели пригласить на охоту – зайца затравим аль лисицу.

– Да кто в такое время охотится? – удивился Мирон. – В сентябре – другое дело.

– Да мы не ради охоты: погуляем по полям, по мелколесью и – назад. – Андрей хотел собак немного прогулять, чтобы не засиживались, – объяснил Викентий. – Да и чем тебя ещё поразвлечь?..

Объехав перелески, проскакав по полям, друзья ни с чем направились к дому Андрея.

– Может, в картишки перекинемся? – предложил Викентий. – В ломбер, вист, а хошь – так в ферро.

– Вы как хотите, а я к таким играм не приучен, у нас стро-

го с этим было. Да и какой в этом интерес? – пожал плечами Мирон.

– Мы с Андреем тоже не любители. Так, иногда за компанию, – признался Герасим.

Мирон сел в сторонке и без особого интереса стал наблюдать за игрой друзей. Перед его глазами нет-нет да и вставало вчерашнее прощание с Лизой и её последние слова «я буду ждать вас к обеду».

– Знаешь, Викентий, извиняюсь, что прерываю вашу игру, но я кое-что должен тебе сказать, – в момент, когда игроками овладел азарт, произнёс Мирон.

Викентий замер, бросил карты и настороженно взглянул на Мирона.

– Я бы хотел поговорить с тобой по поводу Лизы, – уточнил тот.

– Да, что там говорить? – не дожидаясь объяснений, прервал его Викентий. – Я всё вижу, Мирон, из всех кавалеров Лиза только на тебя обратила внимание. Правильно Герасим заметил, что не по мне эта «пташка». Я буду рад за тебя, друг, если Лиза выберет тебя, а не кого-то другого. Если не ты, то неизвестно, кто поведёт её под венец, но уж точно: ни мне, ни Андрею, ни Герасиму надеяться здесь не на что, – пряча глаза, произнёс он с нотками горечи.

– Благодарю вас, друзья, что не имеете обиды ко мне, – приподнявшись, слегка поклонился Мирон.

– Какие могут быть обиды?! – как можно учтивее ответил

Герасим. – Лиза свободный человек и вправе выбрать того, кто ей по душе. Скажу по совести: любой был бы рад оказаться на твоём месте... Но, если бы жребий пал на кого-то из нас, неужели бы ты на него затаил обиду?

– Ты прав, Герасим... Да и кто его знает, может, это мимо-лётный интерес к человеку, приехавшему из столицы – только и всего, – опечаленно вздохнул Мирон...

На следующий день, с лёгким трепетом в груди, Мирон подъехал к усадьбе Воронцовых. Выскочивший навстречу к нему слуга с поклоном принял поводья его лошади.

– Госпожу Елизавету вы можете найти во-он там, – учтиво произнёс он, указывая на окружённую берёзами беседку...

– Добрый день, сударыня! – кашлянув, чтобы обратить на себя внимание, вежливо произнёс Мирон.

– Ой, Мирон Васильевич, вы меня напугали! – вздрогнула Лиза, отрывая взгляд от книги, которую держала в руках. – Вы так неслышно подошли, – слегка улыбнулась она.

– Извините, сударыня, как я ни старался обнаружить своё присутствие, вы всё равно вздрогнули от моего голоса, – с сожалением ответил Мирон.

– Книжка очень интересная. Так увлеклась, что не заметила, как вы подошли, – закрывая книгу, поднялась навстречу Мирону Лиза.

– А можно полюбопытствовать, что вас так завлекло? – поинтересовался Мирон.

– Стихи Сумарокова Алексея Петровича – очень интерес-

но, – робко протянула она книгу.

*Настала жизнь другая;
Но ждал ли я такой?
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой... –*

процитировал Мирон отрывок из стихов популярного писателя.

– Как, вы знаете наизусть Сумарокова?! – вскинула глаза Лиза.

– Ну, положим, не все его стихи, а наиболее яркие отрывки. В столице весьма увлечены его стихами и романами. Вот и я на досуге, когда выпадала свободная минутка, кое-что почитывал из его творчества, – объяснил Мирон.

– Извините, сударыня, что помешал вашей беседе, но ба-тюшка велели позвать вас к обеду, – низко склонившись, прервал их разговор дворецкий.

– Ну, что пойдёмте в дом?! – учтиво предложила Елизавета.

– Проходите, проходите, сударь, – захлопотала Алевтина Николаевна. – Вот сюда садитесь, рядом с Григорием Павловичем, – указала она Мирону на стул около хозяина. – А Лиза по эту сторону от вас сядет... Вы уж извините, Лизонька только вчера вечером сказала, что пригласила вас к обеду – вот, постарались, как смогли, – протянула она руку к накры-

тому различными яствами столу.

– Что пожелаете из супов? – тут же подскочил к Миرونу лакей. – Уха стерляжья с кулебякою аль суп с дичиной, а, может, раковый суп уважаете? – почтительно склонившись, ждал ответа слуга.

– А давай-ка, дружок, на твой вкус, – не думая ответил Мирон.

Лакей ловко схватил пустую тарелку и наполнил стерляжьей ухой.

– Вот и кулебячка... – положил он рядом ещё тёплую, ароматную кулебяку.

Все встали. Батюшка, отец Даниил, приглашённый к обе-ду, прочитал молитву, и присутствующие молча принялись за первое блюдо.

– Ну, как жизнь в столице, господин Кирьянов? – покончив с супом и давая понять, что между сменами блюд неплохо бы пообщаться, спросил Григорий Павлович.

– Строится столица, всё больше каменные здания да дворцы, – отодвинул пустую тарелку Мирон.

– Бывал я там ещё в царствование Елизаветы Петровны, – задумчиво произнёс Воронцов. – В городе в основном деревянные постройки стояли... Вашего возраста в аккурат был. Так поразился: какое величие затевалось на месте, где когда-то стояло несколько десятков деревянных изб!

– Ну, видать Богу было угодно, чтобы, как ты говоришь, на месте заброшенной деревеньки вырос великий город, – по-

дал голос отец Даниил, высматривая, чтобы ещё подцепить в добавок к супу.

– Ну что, подавайте холодное, – видя нетерпение бабушки, скомандовал Григорий лакеям.

Тут же появились: щука под яйцами, говяжий студень со сметаной и хреном, ветчина... И вновь в полной тишине гости принялись за холодные закуски.

– Сударь, попробуйте баранину с чесноком, – предложила Мирону Алевтина Николаевна, когда очередь дошла до горячего. – У нас повар-француз очень искусен в приготовлении этого блюда, – кивнула она на поодаль стоящего кулинару.

– Мсьё, разрешите для изысканности вкуса предложить вам соус, – подскочил к Мирону кулинар, поливая кусок ароматно дымящейся баранины красным кисловатым соусом.

– Правда, очень вкусно, – похвалил Мирон, откусывая кусочек мяса. – И мясо нежное, и вкус необыкновенный.

– Вот русская еда! – громко произнёс отец Даниил, кивая на гуся с капустой. – А все эти заморские соусы... – кисло сморщился он. – Положи-ка, дружок, мне ножку, – подозвал он лакея. – Да капусты много не клади.

– А нынче, бабушка, мода на всё французское, – отозвался Фадей Афанасьев, отставной коллежский асессор. – Всё это из столицы идёт... А я вот к крестьянской пище привык, – неопределённо кивнул он на заставленный горячими блюдами стол. – Вот, к примеру, телятина: простая мужиц-

кая еда, а сдобри её вишнёвым соусом – так благородное блюдо получается, – продолжил он, приправляя из соусника сочный кусок телятины, нашпигованный вишней и порезанный тонкими пластиками.

– Ну, дык это ясно: коли по-русски – вишнёвым, – вытирая салфеткой замасленные пальцы, согласился батюшка.

– Чего же ты, Лизонька, совсем ничего не кушаешь? – тихо произнесла Алевтина Николаевна, заметив отставленное в сторону первое блюдо.

– Да чего-то не хочется... Жарко, – едва слышно ответила Лиза. – Я попозже десерт поем...

– А что-то, молодой человек, вина совсем не пьют? – налив себе большой бокал мадеры и переводя взгляд с Мирона на аппетитно поджаренного поросёнка, поинтересовался отец Даниил.

– Не привык, батюшка, – учтиво ответил тот. – Разве что немного, – пригубил он наполовину наполненный бокал.

– Ну и то верно, – кивнул головой отец Даниил и осушил до дна свой фужер. – Скольких уже погубила оная страсть, – крикнув после выпитого вина, произнёс он, глядя на пустой бокал... – Вон, к примеру, наш звонарь Антипка взял уже в привычку пить вина без времени более обыкновенного. Вот и надясь нажралси – с утра лыка не вяжет. Придётся самому на колокольню лезть – к обедне народ созывать, – посетовал он, обильно сдабривая соусом из хрена большой, зарумяненный кусок поросёнка.

– Ну, а вам как, батюшка, не повредит? – кивнул Мирон на опустошённый бокал.

– Хмм... А с чего же повредит-то? – хмыкнув, вопросительно взглянул на него отец Даниил. – Ежели скоромное... – кивнул он на зажаренный кусок мяса. – То Петров пост закончился, а про вино и в писании сказано: «Не возбраняется выпить для здравия, ради частых недугов твоих». А у кого в моих годах их нету? – пожал он плечами... – Ну мне пора, – поднялся батюшка, оставив на тарелке грудку костей. – И надо же было Антипке с утра напиться, теперь вот карабкайся сам на колокольню... – бормоча себе под нос и вытираясь от пота после чрезмерного обеда, досадовал он.

После обеда гости и хозяева отправились отдохнуть в залу.

– Пойдёмте погуляем в парке. Хочется свежим воздухом подышать, – предложила Лиза Мирону.

– С удовольствием, – ответил он, легко прикоснувшись к её руке.

Лишь только в парке Лиза вдруг обнаружила, что держит Мирона за руку. Весело засмеявшись, она вырвалась вперёд и побежала к поляне, где, шелестя листвой от дуновения лёгкого ветерка, возвышался одинокий дуб.

– Он такой старый! – крикнула она, стараясь обнять руками неохватное дерево. – Говорят, под ним ещё мой прадед любил посидеть...

Они неторопливо шагали по липовой аллее. Огромные по

обеим сторонам дерева почти соединялись вверху своими кронами, защищая землю от палящих лучей солнца...

Мирон, выполняя своё обещание, увлечённо рассказывал девушке о своей жизни в столице, иногда замолкая, чтобы дать слово Лизе.

– Как интересно: история, география, геральдика, – задумчиво произнесла Лиза. – А меня гувернантка моя – француженка, кроме своего родного языка да игре на фортепиано, ничему обучить не могла. Она оказалась никудышной учительницей, но зато хорошей музыкантшей. Только благодаря церковному дьячку Епифану я и грамоте, и чтению научилась.

– Лиза, если вы пожелаете, я попрошу свою бывшую гувернантку Анну Петровну заняться вашим обучением – она грамотная женщина и хороший учитель, – предложил Мирон.

– Благодарю вас, Мирон. Я очень бы хотела продолжить своё обучение. Обязательно поговорю с батюшкой...

Со стороны церкви послышался сзывающий к обедне колокольный звон.

– Всё-таки залез отец Даниил на колокольню, – улыбнулся Мирон.

– Да-а, тяжко ему, однако, пришлось, – весело засмеялась Лиза. – Мирон! – вдруг внезапно оборвала она смех. – А что вы скажите о Гликерии Лачиновой?

– А почему это вас заинтересовало? – удивился он.

– Вчера на вечеринке подружка моя Софья Полянская рассказала, что кто-то по округе слух пустил, будто бы вы волочитесь за Гликерией, – наклонив голову, выжидательно взглянула Лиза на Мирона.

– Неужто вы поверили этим слухам? – криво усмехнулся Мирон.

– Если бы это было так, то мы бы не гуляли сейчас по парку, – слегка покраснев, улыбнулась Лиза.

– Я думаю, что госпожа Гликерия слишком самонадеянная девица, – попытался ответить на вопрос спутницы Мирон. – На той вечеринке я постарался объяснить ей, что не прилично хватать под руку молодого человека, не дававшего к этому повода, и тащить его, ровно своего ухажёра, к гостям.

– Да это похоже на некоторых местных барышень, в особенности Лачиновых, засидевшихся в девках, – кивнула головой Лиза.

– Честно говоря, мне и идти туда не хотелось – друзья угостили. А после выходки Гликерии я почти сразу покинул это общество. Да и вообще, мне неприятен разговор об этих барышнях, – сморщив лоб, закончил тему Мирон.

– Извините меня, Мирон, за эти малоприятные для вас вопросы... А чтобы вы не подумали, что я обращаю на эти сплетни внимание, хочу предложить вам составить мне компанию в прогулке на лошадях.

– Когда вам будет угодно, я большой любитель верховой

езды, – с готовностью ответил Мирон.

– Договорились... Я пошлю вам записку со слугой, где укажу время и место встречи...

Как быстро пролетало время, отведённое ему для отпуска, и как медленно тянулось ожидание новой встречи с девушкой, вошедшей в его беззаботную жизнь. Ему хотелось остановить время, которое неумолимо приближало день отъезда. Вот уже минула почти неделя, а обещанной весточки от Лизы так и не пришло. «Может, какие злые языки сделали своё дело, чтобы разлучить их в угоду Гликерии или какой другой барышни на выданье?» – мелькало в голове Мирона. Тягость ожидания угнетала его, он всё так же по утрам мчался на лихом жеребце по полям и рощам, купался в пруду, чаще стал встречаться с друзьями, но уже не было в этом ранешнего удовольствия, а только желание как-то скоротать время...

В одну из таких встреч, когда Мирон пригласил друзей к себе в поместье отобедать, Андрей, стараясь подобрать слова, осторожно, начав издалека, произнёс:

– Да, господа, всё-таки как хорошо, что нас связывает крепкая мужская дружба. Женщины меж собой не способны на такое, а с мужчинами так и вообще – ветрены... Сегодня один – завтра другой...

– Ты давай говори, как есть, – прервал его Мирон, видя, что Андрей хочет сказать что-то важное.

– Ну, в общем, так вот получается... – решительным тоном начал тот. – В аккурат вчерась взял я своих борзых по

полям дичь погонять... Выскочил, значит, заяц и на побег – я за ним, а он бежит в сторону усадьбы Воронцовых, да и сиганул туда. Осадил я своих собак – куда в чужую вотчину лезть? Да только смотрю – на лужайке подле дома всё семейство Воронцовых собралось и гости с ними. Пригляделся я – кавалер какой-то около Лизы всё время крутится: то за ручку её возьмёт, то бокал с напитками протянет, а сам всё вокруг её увивается. С виду – чисто увалень. Интерес тут меня взял: что же это такое? Решил на хитрость пойти: пустил я собак вперёд, а сам за ними вдогонку и кричу: «Премного извиняюсь, господа, за зайцем погнался, а он к вам – и собаки за ним. Ну что с безмозглой животины возьмёшь? Извините уж, что вашему отдыху помехой получился». А дворецкому намекаю: помоги, мол, собак из усадьбы выгнать, чтобы господскому отдыху не мешать. Ну, а когда наедине-то с ним очутился, тут и расспросил обо всём... Так вот что я у него выпытал: гости эти аж с самой Москвы прибыли. Дворянин, знакомец Григория Воронцова по службе, со своим семейством приехали сына за Лизу сватать. А уж как Воронцовы их приветили!.. Здесь, без сомнения, шибко эти московские им по душе пришлись...

– Особливо Алевтине Николаевне; всем известно, что она для Лизы богатого жениха ищет, – вставил свои домыслы Герасим.

Мирон, помрачневший от сказанного, какое-то время сидел молча.

– Ну, что ж!.. – тяжело вздохнул он. – Видать, не судьба... Теперь мне понятно, почему Лиза так долго молчала. Извините, друзья, я бы сейчас хотел побыть один, давайте соберёмся денька через два-три.

– Ты, Мирон, шибко не переживай, всякое в жизни случается, – постарался успокоить друга Викентий.

– Время всё на свои места расставит, – добавил Андрей.

И друзья, не желая более досаждать Мирону, отправились по домам...

Серым утром для Мирона явилось начало следующего дня. Хотя на дворе ярко светило солнце – всё вдруг поблекло, словно тяжёлые, хмурые тучи растворились в ярких красках лета. Какая-то непонятная тоска грызла его душу, каким унылым и печальным представилось ему оставшееся время отпуска.

Мирон лежал в постели. Не желая вставать, он с тоской размышлял о своём будущем. «Нет! Уезжать надо, – сказал он самому себе. – Завтра же в Санкт-Петербург. Получу назначение и – к месту службы».

– Сударь, не соизволите встать, завтрак уже на столе, – осторожно постучал в дверь комнаты управляющий. – Софья Михайловна в беспокойстве: уж не захворали вы часом? На прогулку сегодня не выехали и в постели остаётесь более обычного, – немного приоткрыв дверь, учтиво осведомился он.

– Никифор, скажи матушке, что я здоров. Пусть не бес-

покоится – я сейчас буду к столу.

Выпив стакан чая и не притронувшись к закускам, Мирон вежливо откланялся, изъявив желание прогуляться по окрестностям.

– Сударь, не больны ли вы? Вы даже не соизволили чего-нибудь покушать, – с тревогой в голосе спросила Софья Михайловна.

– Я совершенно здоров, матушка. Просто мне наскучила жизнь в деревне, и я хотел бы как можно скорей отправиться к месту службы.

– Как к месту службы?! – удивился отец. – Неужели тебе не хочется провести ещё месяц в родном имении?

– Дело не в этом, поверьте мне. Я благодарен Богу, что мне выпала возможность посетить родные места. Но есть причина, почему я должен уехать...

Родители больше ни о чём не стали расспрашивать сына, поняв, что здесь что-то личное.

«Нужно попрощаться с друзьями», – запрыгивая в седло, про себя подумал Мирон и направился к дому Андрея.

«Нет... Сначала к Лизе, – возникла другая мысль. – Ведь не хорошо будет, уехать не попрощавшись».

Мирон осадил коня и поехал в сторону усадьбы Воронцовых...

– Госпожа на прогулке с господином Савелием Лукьяновичем Корсаковым, – доложил вышедший навстречу Мирону дворецкий, кивнув в сторону уходящей вдаль липовой ал-

лее, по которой совсем недавно он гулял с Лизой, рассказывая о жизни в столице.

– Что-нибудь передать госпоже? – слегка наклонил голову Евстафий.

– Передай, что я завтра уезжаю и искренне желаю ей счастья.

Мирон развернул коня и, оставив в недоумении дворецкого, галопом направился к дому Андрея. Коротко попрощавшись с ошеломлённым его внезапным отъездом приятелем, Мирон велел кланяться Викентию и Герасиму. А также великодушно простить его за то, что не смог попрощаться лично с каждым...

– Харитон! – кликнул Мирон лакея, вбежав на крыльцо своего дома. – Помоги собрать вещи! – остановился он в раздумье, соображая, что необходимо взять с собой.

Софья Михайловна и Анна Петровна в растерянности наблюдали за сборами Мирона, так до конца и не осмыслив его решения спешно покинуть родительский дом. Ржание лошади и топот поспевающего человека на минуту оторвали его от сборов.

– Никифор! – обратился кто-то к управляющему. – Господин Мирон Васильевич дома?

– Да... Но они заняты сборами, – ответил Никифор. – Вещи с Харитоном собирают.

– Я на минутку, – постучал Евстафий в комнату Мирона. – Сударь, извините меня великодушно, что помешал вашим

сборам. Но сегодня вы так неожиданно уехали, что я толком ничего не смог объяснить госпоже. Она, написав эту записку, попросила меня дождаться ответа, – протянул он Мирону вчетверо сложенный листок бумаги.

«Сударь, мне Евстафий передал ваши слова, из которых я поняла только то, что вы завтра уезжаете... – прочитал он первые строчки, написанные торопливой рукой Елизаветы. – Неужели мы расстанемся, даже не попрощавшись? Если вам так необходимо уехать, то, прошу вас, переложите на день свой отъезд. А завтра, если вы не изменили своему обещанию, прогуляемся на лошадях. Я буду ждать вас в полдень, недалеко от старой мельницы, у ручья. PS: передайте ваш ответ с Евстафием».

Мирон отослал своего лакея, взял перо и, немного подумав, написал, что обещание своё выполнит и будет в полдень в указанном Лизой месте...

На следующий день, сказав домашним, что хочет прогуляться, Мирон, запрыгнув в седло, выехал из усадьбы. Унылым, безразличным взглядом смотрел он на залитые солнцем берёзовые рощи, убегающую вдаль голубую речку, луга, пестреющие разнообразием полевых цветов – всё, что совсем недавно так радовало душу.

В пасмурном предчувствии последней встречи доехал он до старой мельницы, натужно скрипящей обветшалым водяным колесом. Невольно оторвавшись от грустных мыслей, он засмотрелся на потоки воды, вырывающиеся из плоти-

ны: «Сколько же её утекло через это старое колесо, скольких людей, перемалывая зерно, накормила хлебом эта деревенская мельница? И теперь, подобно изработавшемуся человеку, она заканчивает свой век, испуская тяжкие вздохи под напором воды...»

Проехав в сторону ручья, впадающего в реку, он ещё издали увидел сидящую на гнедом жеребце всадницу. В длинном, спускающемся по бокам лошади платье и широкополой шляпе она ничуть не уступала богато одетой, сверкающей бриллиантами королеве бала в поместье Воронцовых. С учащённо забившимся сердцем подъехал он к Лизе.

– Добрый день, сударыня, – стараясь скрыть волнение, как можно спокойней произнёс Мирон.

– Доброго здоровья, сударь, – виновато взглянув на Мирона, ответила Лиза. – Извините меня. Я... Я... не смогла пригласить вас раньше для прогулки, а вчера Евстафий передал мне, что вы завтра уезжаете, – не стараясь скрывать смущения, печальными глазами посмотрела она на Мирона. – Почему так вдруг?.. Не попрощавшись?

– Но... Сударыня, я подумал, что в обществе богатого кавалера из Москвы вы забыли обо мне, – подбирая слова, замешкался Мирон.

– Ах, вон вы про что... – опустив голову, ухмыльнулась краешком губ Лиза. – Да, вы правы. Приезжал к нам знакомец батюшки по военной службе с семьёй. Хотели посвятить за меня своего сына... Да только отказала я ему.

– Как?! – изумлённо взглянул на неё Мирон. – А Андрей?.. Сватовство?.. Богатый дворянин?.. И дворецкий ваш: «Госпожа на прогулке с господином», – как его, не помню... – рассуждая и жестикулируя руками, пытался он найти ответ, отчего уверовал в то, что Лиза отдала предпочтение этому московскому дворянину.

– Богатый дворянин!.. – иронически усмехнулась Лиза. – Приехали выгодно пристроить своего сынка. Поначалу важные такие, как же – знатного дворянского рода... Да только лакей их спяну пожалился Евстафию, что, похоже, барин промотал своё состояние – какой месяц прислуга жалования не видит. Матушка Савелия была очень удивлена и расстроена, когда я отказала их сыну, она была уверена, что, наслушавшись их небылиц, я кинусь на шею этому несостоявшемуся пентюху. Когда же моя маменька спросила: «А какие капиталы за женихом?» – они, не ожидая такого вопроса, ещё больше запутались в своей лжи: «Да вот... Да, понимаете ли...», – замялись они и, поддакивая друг другу, стали рассказывать о своих важных предках, стараясь сменить тему разговора. Прожили они у нас почти неделю, а сегодня утром отправили их восвояси.

Мирон с застывшим лицом, часто хлопая ресницами, не мог сказать ни слова в ответ. До него ещё не дошла суть сказанного.

– Вон оно оказывается, как... – поднял он на неё глаза, в которых засверкали искорки радости. – Какой же я про-

фан! – наконец-то разобравшись во всём, воскликнул Ми-
рон.

«Если бы не сегодняшняя встреча, то они расстались бы
навсегда», – молнией пронеслось в его прояснившейся голо-
ве.

– Ну вот, теперь вы всё знаете, – с облегчением сказала
Лиза, посмотрев на Мирона подёрнутыми радостью глаза-
ми. – Вот и всё, что я хотела вам объяснить. А теперь не бу-
ду вас задерживать. Вам ведь ещё успеть собраться нужно? –
лукаво улыбнулась она.

– Куда?! – вздёрнул плечами Мирон. – У меня ещё целый
месяц впереди! И моё обещание составить вам компанию в
прогулке на лошадях!.. Смотри, как наши лошади от нетер-
пения о землю копытами бьют.

– Ну что, тогда вперёд!.. – подстегнула Лиза своего жереб-
ца, и тот, сорвавшись с места, галопом понёсся по залитому
солнцем лугу, выбрасывая комья земли из-под копыт.

Конь Мирона поднялся на дыбы и, поняв намерение хо-
зяина, пустился следом...

– Фу-у!.. Жарко!.. – выдохнула Лиза, проскакав под паля-
щим солнцем добрых три версты. – Давай пройдемся пеш-
ком, – повернулась она к Мирону, когда дорога пошла бере-
гом реки.

Кивнув в знак согласия, Мирон спрыгнул на землю и, при-
держав лошадь Лизы, помог ей слезть с коня.

– Извините меня, что, не подумав, чуть не совершил того,

что разлучило бы нас, может быть, навсегда, – виновато посмотрел он на неё.

– Не вини себя, Мирон, – вдруг перешла она на «ты». – Я тоже виновата, что не объяснила тебе всего раньше.

Они не спеша брели по утоптанной траве. Серая пелена от горестных мыслей незаметно сошла с глаз Мирона. И вновь заиграли красками берёзки, стоящие на берегу, убегающая вдаль гладь реки с отражённым в ней голубым небом и белыми облаками, луга с копнами запашистого сена. И вновь он почувствовал, как лёгкий ветерок доносит до него все окружающие запахи лета. Вскоре дорога повернула влево и запетляла между берёзовыми рошицами и зелёными лужайками. Проголодавшиеся лошади тянули головы к обочине, жадно хватая сочную зелень травы подступающих к дороге лугов.

– Ты знаешь, не понимаю я таких людей, как Корсаковы, – устремив взгляд вперёд, произнесла Лиза. – Они думают, что дворянский титул открывает для них все двери. А что сейчас дворянство без состояния? Любой богатый мещанин посмеётся над их напыщенностью.

– Конечно, осудительно, что они попытались скрыть правду о своём промотанном состоянии, – высказал своё мнение Мирон. – Но, как говорят, «бедность не грех».

– Но до греха доводит, – тут же добавила Лиза.

– Ты права, истину всё равно не скроешь, – улыбнулся Мирон. – Грешно утаивать правду для того, чтобы выгодно женить сына. Даже ради такой красивой и богатой невесты.

– Вот именно – выгодно женить, – вскинула Лиза враз порозовевшее от последних слов Мирона личико. – А хочет ли девушка этого? Узнав, что проситель её руки – лживый бессребреник.

Мирон на минуту задумался, после чего, глядя куда-то вдаль, произнёс:

– Многие, стремясь к богатству, забывают о душе и о том, что эти земные сокровища – источник греха. Да и с собой в могилу их не заберёшь.

– Что-то похожее мне часто говорил дьяк Епифан. На небе, говорит, богатства нужно собирать, а не на земле, – едва ухмыльнувшись, бросила Лиза. – Можно бесконечно рассуждать про это, когда живёшь в достатке, – глядя в глаза Мирону, серьёзным тоном продолжила она. – Но вот, к примеру: если не состояние твоего батюшки – смог бы ты получить такое хорошее образование? Уверена, что ты сейчас бы батрачил на кого-то или, скорей всего, попал в рекруты и пожизненно тянул солдатскую лямку.

– Да, ты права... – с нотками сожаления согласился Мирон. – Вот, к примеру, взять нас – чем мы отличаемся от наших крепостных? Ничем. Кстати, твой любимый поэт Сумароков так об этом сказал: «Какое барина различье с мужиком? И тот, и тот – земли одушевлённый ком...» Выходит, различие лишь в том, что крепостные не могут купить себе свободу – без золота они становятся обыкновенной вещью барина, с которой тот сделает всё, что захочет. Поэтому с

прискорбием следует заключить: хотя мы и говорим, что перед Богом все равны, но этот металл вершит судьбу человека – быть ему господином или бесправным слугой, – с печалью закончил Мирон.

– А как же! – согласно кивнула головой Лиза.

За разговорами они и не заметили, как вокруг их обступили густые заросли берёз.

– Ой! – насторожилась Лиза, услышав шорох в кустах. – Кто это там?!

Обхватив одной рукой Мирона, протянула она другую к росшим неподалёку густым деревьям.

– Заяц или лисица, – опешив от близости девушки, едва вымолвил Мирон.

– Заяц? – переспросила она, подняв на него испуганные глаза.

– Наверное... – как можно мягче, чтобы успокоить спутницу, ответил он.

– А мне почудилось: вдруг волки! – с тревогой в глазах произнесла Лиза, прижимаясь к своему спутнику. – Давеча конюх батюшке рассказывал, что у соседей волки лошадь загрызли. Много их нынче развелось. Ой! А наши лошади! – весело засмеялась она, указывая на пасущихся на лужайке коней.

И тут только Мирон заметил, что за разговорами упустил лошадей.

– Я сейчас! – сказал он и побежал ловить скакунов. – А

вот и они... – подошёл он, ведя за собой обеих лошадей.

– Ну что, пора домой? – взяла она из рук Мирона поводья своего жеребца и ловко запрыгнула в седло.

– Как?!.. – не веря, что так быстро пролетело время, растерялся он. – Уже?!..

– Да, Мирон, батюшка беспокоиться будет.

– Я буду ждать тебя завтра на том же месте – у старой мельницы.

– Вряд ли получится, – покачала головой Лиза. – Вечером родители уезжают на ярмарку и вернутся на следующий день. У меня будет много дел. Так что не раньше, чем через два дня мы сможем вновь увидеться...

Проводив Лизу, Мирон, не жалея коня, летел домой на крыльях радости. От быстрой езды ветер трепал его волнистые волосы, как вновь прекрасен стал для него окружающий мир, как вновь милы сердцу стали родные мотивы Смоленщины. Он даже не заметил, как очутился в своём имении. Резко осажённый всадником конь громко заржал и встал на дыбы.

– Сударь, ваши вещи собраны и упакованы, – встретил его Харитон.

– Вот что, Харитон, давай-ка распаковывай всё назад по своим местам, – улыбнувшись, хлопнул он по плечу лакея. – А это – тебе за труды, – протянул Мирон слуге серебряный рубль.

– Да что вы, Мирон Васильевич. Как можно-с – такие

деньги?! – замотал головой Харитон.

– Бери, бери... Внучатам своим подарков купишь.

– Дай бог вам здоровья, барин, – поклонился Харитон.

– А мы вас заждались, – вышла навстречу Мирону Анна Петровна. – Обед уже готов. Но Софья Михайловна распорядилась без вас не садиться за стол.

– Скажи матушке, что сейчас буду... Ух, как я проголодался! – побежал он переодеться к обеду.

– Ну, наконец-то! – встретила его Софья Михайловна. – Что-то ты долго сегодня гулял. Садись за стол... Я уж поварихе наказала, чтобы постаралась с обедом, а то утром-то ничего не поел...

Мирон с аппетитом съел тарелку малороссийского борща, не оставил без внимания подёрнутого капельками янтарного жира осетра, а тут и блинчики с икрой подали.

– Ну вот, не зря Прасковья постаралась, – видя, с каким аппетитом обедает сын, произнесла Софья Михайловна.

Только они отобедали, как на пороге появились Андрей, Викентий и Герасим.

– А мы вот попрощаться пришли, – переминаясь с ноги на ногу, доложил за всех Герасим.

– С кем?! – сделал удивлённую мину Мирон.

– С тобой!.. Андрей сказал, что ты уезжаешь.

– Да никуда я не уезжаю, у меня ещё целый месяц впереди...

На какое-то время все притихли, пытаясь осознать про-

изошедшую перемену. Родители с понимающей улыбкой не стали задавать лишних вопросов, видимо поняв, что сложившаяся ситуация приняла неожиданный оборот.

– Как это?.. – остановил удивлённый взгляд на товарище Андрей. – А ты сказа... – осёкся он на полуслове, увидев добродушную улыбку Мирона. – Ну, тогда давай ко мне на обед! Завтра накажу Макару, чтобы зайца приготовил. Он мастер готовить жаркое из зайчатины, – не растерялся Андрей. – И вы, конечно, подходите, – повернулся он к Викентию с Герасимом...

Встав пораньше, Мирон, не изменяя своей привычки, оседлал жеребца и выехал на прогулку. Хмурое утро вот-вот грозило разразиться дождём, но он, не обращая на это внимания, быстро мчался по берёзовой роще. Бродящие по пастбищу коровы удивлённо поднимали свои головы и мычанием провожали лихого седока, нарушившего стучком копыт резвого жеребца утреннюю тишину. Радость охватывала душу Мирона после вчерашней встречи с Лизой. Она чудилась ему везде: на лужайке берёзовой рощи, на берегу журчащего ручья, на лугу среди полевых цветов.

Непогода не заставила себя ждать. Сначала моросящий, а после переходящий в проливной дождь насквозь промочил одежду Мирона и заставил повернуть домой. Переодевшись в сухое, он вышел в столовую, где его уже дожидался горячий завтрак.

– Сударь! – обратилась к нему повариха Прасковья. – Что

бы вы к обеду желаете покушать?

– Спроси у матушки, – бросил Мирон. – Я сегодня у Андрея обедаю...

Поместье Андрея было совсем небольшим. Старенький дом из пяти комнат стоял в низине на краю небольшой деревушки, где проживали пятьдесят душ крепостных, а из дворовых слуг были только управляющий да повар-Макар – вот и всё, что досталось ему после смерти родителей.

– Проходи, проходи... – вышел к нему навстречу товарищ. – Сымай кафтан... Я его здесь на вешалку повешу, а то в избе жарко. С утра Макар готовит – печь топит.

Мирон прошёл в небольшую залу, где уже был накрыт стол. Приятно щекочущие нос ароматы исходили из расставленных по всему столу блюд.

– Присядь пока, – указал он на стул. – Сейчас Викентий с Герасимом должны подойти.

Мирон сел на предложенное ему место и, разглядывая комнату, залюбовался висевшей на стене большой картиной. Словно живыми красками на ней был изображён эпизод охоты с борзыми, настаигающими затравленного зайца.

– Что, нравится? – заметил интерес товарища к полотну Андрей. – Кстати, местный художник нарисовал – от отца осталась. А вот и господа! – повернулся он в сторону застучавших сапогами у дверей Герасима и Викентия.

– А запахи! – потянув носом и глотая голодную слюну, произнёс Герасим. – Поистине мастер твой Макар.

– Да-а, такого повара по всей округе не сыщешь, – добавил Мирон. – Француз у Воронцовых послабее будет. Вот пригласить бы Григория Павловича – оценить мастерство местных кулинаров.

– К себе переманит, – пошутил Герасим.

– Не получится: вряд ли Макар другому служить будет – он здесь издавна как член семьи... А идея неплохая – семейство Воронцовых пригласить, – ответил Андрей.

– Успокойся... – взял друга за руку Мирон. – На ярмарку собрался сегодня вечером Григорий Павлович с супругой – Лиза сказывала.

– Да это я шутя... Давайте уже обедать, господа! – пригласительным жестом указал на стол хозяин. – А то смотрю, Викентий что-то заскучал...

Обед действительно вышел на славу. Не одна похвала ушла в адрес умелого кулинара. За трапезой и не заметили, как время перевалило к вечеру.

– Макар! – позвал Андрей. – Дай лошадям овса! Небось, проголодались уже. Макар, слышь? – вторично позвал он, не дождавшись ответа. – Придётся самому... Спит, наверное, – умаялся с готовкой.

– Да сиди уже с гостями, – поднялся Викентий. – Делов-то – лошадей накормить.

– Овёс там – в конюшне, – крикнул вдогонку Андрей.

Довольные проведённым временем и вкусным обедом, друзья засобирались по домам.

– Не помню, едал ли я когда такую вкуснятину, – с улыбкой поблагодарил товарища за обед Викентий. – Теперь моя очередь угостить вас обедом.

– Ну вот и Викентий заулыбался... Вкусный обед, он всегда настроение поднимает, – с шуткой произнёс Герасим. – Я тоже с угощением в стороне не останусь, – добавил он.

Загадочная кража

Протяжный колокольный звон набатом прокатился по спящим поместьям округи.

– Что такое?!.. Вроде колокольный звон? Ночью?.. Или мне приснилось? – открыв глаза, пытался сообразить Мирон.

Но тревожный набат повторился ещё раз.

– Вроде как усадьба Воронцовых горит?! – послышался всполошенный голос Никифора.

Остатки сна мигом вылетели из головы Мирона; соскочив с кровати и накинув кафтан, он выбежал из дома. Светло-красное зарево поднималось в той стороне, откуда слышались тревожные удары колокола. Несомненно, горела либо церковь, либо имение Воронцовых.

«Но кто полезет на колокольню, если церковь охвачена огнём?» – пронеслось в голове Мирона. «Лиза!.. Она там!..» – тревожно забилось его сердце...

Вскочив на неосёдланного коня, Мирон во весь опор, не разбирая дороги, напрямки помчался к месту пожара. Ещё издали он услышал треск горящего дерева, – теперь уже было ясно различимо, что пожар в имении Воронцовых. Подъехав к дому, он с облегчением заметил, что горят какие-то хозяйственные постройки. Соскочив с коня, он бегом направился туда, откуда слышались крики людей, тушащих пожар.

– Лошадей выводи! – слышалась чья-то команда. – А то кабы на конюшню огонь не перекинулся!

За домом Мирон лицом к лицу столкнулся с измазанным в саже дворецким.

– Где госпожа?!.. На пожаре?!.. – обеспокоенно спросил он у Евстафия.

– Они-с всем семейством вчера вечером уехали. Матушка их настояла, чтобы госпожа Елизавета непременно отправилась вместе с ними.

– А что там случилось? – кивнул Мирон в сторону пожара.

– Баня горит... Видать, дворовые девки топили, да не доглядели чего. Гадай теперь, – развёл он руками. – Тут кабы на конюшню пламя не перекинулось. Надумали сверху водой поливать... Вот за лесенкой пошёл, – махнул он в сторону каретного сарая.

Мирон подошёл поближе, на расстоянии почувствовав жар огня. Сухие брёвна бани горели, словно стог соломы в знойный день. Искры с треском взлетали вверх вслед за уходящим в небо чёрным дымом. Потолкавшись немного среди народа и убедившись, что огонь больше ничему не угрожает, Мирон повернул к месту, где оставил коня...

Приехав домой, он собрался немного поспать, но сон никак не шёл – в глазах всё ещё стояли яркие языки пламени над усадьбой Воронцовых...

Весь следующий день по всей округе – то там, то сям – об-

суждали ночной пожар. Первым к Мирону приехал Андрей, тоже побывавший на пожарище. А спустя ещё немного времени собравшиеся у него друзья обсуждали ночное происшествие.

– Да-а, вернётся к вечеру Григорий Павлович, а тут такое... Ох и достанется дворовым девкам, – покачал головой Викентий.

– Да он-то пожурит, да и только: делов-то – баня сгорела. А вот Алевтина Николаевна, эта с лихвой воздаст, – поправил его Андрей.

Ещё издали, подъезжая к усадьбе, Воронцов учуял запах гари, доносимый ветром со стороны имения.

– Что-то неладно, – обеспокоенно проговорил он, наклонившись к Алевтине Николаевне.

Та, задёргав носом, враз переменялась в лице.

– А ну-ка, давай гони! – сердито крикнула она кучеру. – Уснул, что ли?!

Навстречу им, услышав звуки подъезжающего экипажа, быстро семенил ногами дворецкий.

– Евстафий, что тут стряслось?! – издали крикнул Воронцов.

– Баня с-сгорела, – разведя руками, с поклоном ответил он.

– Как сгорела?! – выскочила вперёд супруга. – А ты куда смотрел, старый осёл! – гневно сдвинула брови Алевтина Николаевна. – Я не посмотрю, что ты дворецкий, прикажу

выпороть розгами!

– В-вчера девки дворовые в бане мылись, а потом, среди ночи, пожар случился, – наклонившись ещё ниже, бросил он заискивающий взгляд на госпожу.

– Где они?! – краснея от ярости, крикнула она.

– В-в-в доме, – трепетным голосом ответил Евстафий.

– Пошли!.. – сурово приказала Алевтина Николаевна.

– Пойду гляну, что там случилось, – кивнул в сторону пожарища Григорий Павлович.

Евстафий, услужливо согнувшись, засеменял вперёд госпожи, открывая перед ней входную дверь.

– Пускай теперь в пруду моются, раз баню спалили! – заключил Воронцов, обойдя остывшие головешки, и развернулся к усадьбе.

– А-а-а!!!.. – раздался крик со стороны дома; на ступеньки, задрвав голову вверх и хватаясь за сердце, выбежала Алевтина Николаевна, следом за ней, пытаясь успокоить мать, показалась Лиза.

– Что случилось?! – с перепуганным лицом подбежал Григорий Павлович.

– Шкатулка, шкатулка!.. – задыхаясь, еле выдавила из себя хозяйка.

– Какая шкатулка?! – схватил её за плечи Воронцов.

– Драгоценности, бриллианты – их нет... – рыдающим голосом пояснила супруга.

Воронцов, оттолкнув Алевтину Николаевну, кинулся в

дом. Подбежав к комоду, где хранилась шкатулка, и убедившись, что там пусто, он обшарил всю комнату и, схватившись за голову, опустился на стул.

– Евстафий!!!.. – закричал он вдруг не своим голосом, вскочив на ноги.

– Я з-з-з-десь, господин, – с трясущимся подбородком подбежал дворецкий, чувствуя, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Шкуру спущу!!! – с налитыми кровью глазами накинулся на него Воронцов. – Где бриллианты?! – схватив за шиворот, ткнул он его в пустой ящик комода.

– К-какие б-бриллианты?.. Н-н-не знаю, Ваше высокоблагородие, – чуть не плача, пролепетал Евстафий.

– Алевтина! – крикнул Воронцов, оттолкнув в сторону дворецкого. – Комната была заперта?!

– Закры-ыта, – всхлипывая, ответила супруга. – Я зашла перстень в шкатулку положить, а там... – недосказав, разрыдалась она.

– Так, так, так... – встав посреди комнаты, приговаривал Григорий Павлович, подперев рукой подбородок. – Стало быть, украли... – задумался он.

Но вдруг взгляд его прояснился, Воронцов рванулся к двери и со словами «вот что нужно сделать!» выбежал из дома...

Через час он вернулся с каким-то человеком, серьёзный вид которого говорил, что он не простой государственный

служащий.

– Капитан-исправник Никодим Фадеевич Данилов, – коротко представил супруге спутника Воронцов.

– Меня Григорий Павлович попросил заняться розыском пропавших драгоценностей, – улыбнувшись Алевтине Николаевне, пояснил цель своего появления капитан.

– Ну-с, показывайте, где у вас шкатулка лежала, – повернулся он к Воронцову.

– Проходите сюда, – указал тот рукой на дверь кабинета.

Исправник тщательно осмотрел комод, обследовал всю комнату, после чего, задумчиво потирая затылок, произнёс:

– Да-а, следов никаких. Видать, вор-то бывалый... Так вы говорите, баня сгорела и в то же время случилась пропажа... А вас, значит, в имении не было? – вопросительно взглянул он на Воронцова.

– Не было... – кивнул тот, подтверждая сказанное.

– Дворецкий оставался, – добавила Алевтина Николаевна.

– Так давайте его сюда! – распорядился исправник... – Ну-ка расскажи, дружок, что случилось в ту ночь? – подступил он к Евстафию. – Может, чего подозрительного заметил?

– А, что мне сказать?... – опустив голову, развёл руками дворецкий... – Подумал я хорошенько – и вот что... Сдаётся, не по вине дворовых девок баня сгорела, – решительно произнёс он.

– Отчего же так?! – вопросительно округлил глаза капитан.

– Они ведь в полдень помылись, а пожар за полночь случился. Ежели какой уголёк из печи выскочил, неужто он столько времени шаял?

– Да, верно ты подметил, – согласился исправник.

– А ещё вот, что странным мне показалось, – приободрившись поддержкой, продолжил Евстафий. – Я за лесенкой побежал, ну, чтобы на конюшню залезть да сверху огонь поливать – побоялись, что она от жара возьмётся. А лесенки-то на месте не оказалось. Садовник её всегда около каретного сарая держит. Походил я, значит, кругом – смотрю, а она возле дома в траве валяется...

– Так, так, так... Погоди, – прервал его исправник. – А ну-ка покажи, где ты лесенку нашёл.

Евстафий подошёл к окну и рукой показал на примятую около дома траву:

– Вон, там...

Исправник подошёл ближе, рассматривая указанное место.

– Хм-м! – в раздумье схватился он за подбородок. – Похоже, что лесенкой воспользовались, чтобы влезть в дом через окно. Окна-то у вас огромные – ничего не стоит пролезть через проём... – окинул он пристальным взглядом оконную раму. – А это что?.. – наклонил голову дознаватель над торчащим между стеклом и оконной рамой крохотным лоскутком материи. – Опа-а!.. – аккуратно вытащил он предполагаемую улику. – Видать, совсем недавно здесь объявилась, – заклю-

чил он, рассматривая находку в лупу. – Да и материя дорогая. Бьюсь об заклад, что кто-то кафтаном зацепился, – обвёл присутствующих взглядом победителя исправник. – Да и окно-то в спешке закреплено кое-как, – потрогал он руками дрожащий лист стекла. – А ну-ка, господин Воронцов, покажите свой гардероб.

– Да вы что? Неужто думаете, что я вместо двери окном пользуюсь, – возмутился Григорий Павлович.

– Давайте, давайте показывайте – для порядку, – взял его за руку дознаватель... – Ну, вот! Теперь ясно, что не с вашей одежды лоскуток, – улыбнулся он, проверив одежду Воронцова. – Скажи-ка мне вот что, любезный! – поманил пальцем исправник дворецкого. – Видал ли ты кого из господ на пожаре?

– А как же! – вскинул на того глаза Евстафий. – В аккурат, когда за лесенкой бежал, наткнулся на Мирона Кирьянова. Ну, а после, к концу пожара, Андрея, дружка его, видел и этого... Лачинова, имя у него ещё какое-то странное: то ли Морест, то ли Модест, помещик Арапов мелькал... Может, и ещё кто? – пожал плечами дворецкий. – Не до этого было, такая беда приключилась, – закачал он головой.

– Что же, значит, выходит, кто-то из них шкатулку украл? – высказал свои мысли Воронцов.

– Отчего же? Вряд ли они, – возразил исправник.

– Похититель, скорее всего, не тот, кого заметил ваш дворецкий, а тот, кто незаметно пришёл и незаметно скрылся.

– Так как же его сыскать? – озадаченно произнесла Алевтина Николаевна.

– А вот это уже сурьёзный вопрос, – поднял палец вверх дознаватель. – Проверим сперва тех, кого видал дворецкий, а там будем смотреть. Ведь не у каждого кафтан из такой дорогой материи, да и господ в округе не так уж много. Чужие со стороны вряд ли к этому причастны, откуда им знать про ваши бриллианты. Здесь кто-то из своих набедокурил, который видел эти драгоценности и знал, где они хранятся...

Мирон ещё не вставал с постели, как услышал разговор Никифора с каким-то человеком. Спустя мгновение дверь в его комнату приоткрылась.

– Сударь, вас тут капитан-исправник спрашивают, – доложил дворецкий.

– Этому-то чего здесь нужно? – быстро вскочил Мирон. – Пусть заходит... – одеваясь, бросил он Никифору.

– Капитан-исправник Никодим Фадеич Данилов! – по-солдатски притопнув каблуками, с улыбкой представился гость.

– Чем могу служить? – учтиво осведомился Мирон.

– Я бы хотел взглянуть на ваш гардероб, сударь, – сразу без обиняков начал исправник.

– А с чего это вас заинтересовал мой гардероб? – поднял на него удивлённые глаза Мирон.

– Просто формальности по одному делу, господин Кирьянов, – нахмутив лоб, махнул рукой дознаватель. Я уже навёл

кое-какие справки о вас. Успокойтесь, я уверен, что вы тут ни при чём.

Мирон выложил перед исправником свой гардероб и, отойдя в сторону, с безразличным видом стал наблюдать за действиями дознавателя.

Посмотрев на кучу вещей, тот с улыбкой повернулся к Мирону.

– Ну вот, всё в порядке, можете быть споко... – не закончил он, заметив брошенный на стуле кафтан. – Скажите, а вы были вчерашней ночью на пожаре? – спросил исправник, внимательно присматриваясь к вещице.

– Был... – с нотками удивления в голосе ответил Мирон.

– А не в этом ли кафтане? – кивнул на стул блюститель закона.

– В нём... Ночь была холодная, я и накинул кафтан.

– Так-так... – произнёс исправник, внимательно рассматривая развёрнутый кафтан. – Опа-а!.. – с заблестевшими глазами воскликнул он. – А ну-ка, ну-ка!.. – обрадовался дознаватель, вытаскивая из кармана лупу. – Как тут и было! – залюбовался он результатом, приложив к почти незаметному изъяну внизу кафтана лоскуток материи, найденной в доме Воронцовых. – Не так ли, господин Кирьянов?.. От вашего кафтана лоскуток. Да?..

– Похоже, так... – пожал плечами Мирон.

– Ну, а теперь, может быть, скажите мне, сударь, где вы могли зацепиться полкой своего кафтана? – окинул подозре-

ваемого проникательным взглядом дознаватель.

– Да откуда ж мне знать, где я мог зацепиться? – усмехнулся Мирон.

– А я знаю!.. – утвердительно тоном произнёс исправник. – Вы им зацепились в доме Воронцова, когда, выставив стекло, через окно проникли внутрь, чтобы украсть драгоценности... Где шкатулка?! – строго крикнул он на Мирона.

Мирон, опешив, смотрел на исправника широко открытыми глазами, как смотрят на людей, вдруг потерявших рассудок.

– Какая шкатулка?!.. Что вы себе позволяете, сударь!!! – гневно вскричал Мирон. – Вы что сюда пришли, чтобы оскорбить меня?! – зло сверкнул он глазами на дознавателя.

– А разве уличение в краже является оскорблением? – отпарировал тот. – Вы всё просчитали: познакомились с Воронцовыми и, заморочив голову их дочери, стали там желанным гостем, выяснили, где хранятся драгоценности, а узнав, что господа уезжают, решили, не теряя времени исполнить задуманное... Поджигая баню, вы знали, что все слуги кинутся тушить пожар – ведь рядом конюшня. Спрятавшись, дождались, когда дом опустеет, взяли примеченную заранее лесенку, выставили стекло и довершили своё чёрное дело... – перечислил исправник действия Мирона. – Да вот только с кафтанчиком по неосторожности оплошали – зацепились! – с довольной ядовитой ухмылкой закончил дознаватель.

Мирон, полуоткрыв рот, выслушал обвинения в свой ад-

рес. «Уж не тронулся ли умом этот господин?» – промелькнуло в его голове.

– Вот что, сударь! – чеканя слова, произнёс Мирон. – Если всё, что здесь было сказано, вы признаете плодом своего больного воображения и извинитесь, я сочту вас умалишённым и отпущу с миром. Ну, а если со всей серьёзностью вы продолжите утверждать сказанное, я приму это как тяжкое оскорбление и буду драться с вами на дуэли, – кивнул он на висящую у кровати шпагу. – Но учтите, я проткну вас, как гуся, при первом же выпаде, – осматривая полную, неуклюжую фигуру исправника, заключил Мирон. – Ну, а ежели вас не устраивает шпага, к вашим услугам пистолеты...

– Н-ну, зачем же так сразу – драться, – залебезил исправник, чувствуя, что, если он скажет ещё одно обвинительное слово, живым ему отсюда не уйти. – Это ведь только такс, предположения. Сколько вон людей в таких кафтанах ходят, – пятясь задом к двери, заискивающе заулыбался дознаватель. – Вот только нижайше прошу-с кафтанчик ваш с собой забрать. Ну, чтобы всё как по порядку требуется: осмотрим, запишем – ошибочка, мол, вышла с вещицей – и назад вернём ваш кафтанчик.

– Да забирай хоть весь гардероб! – швырнул Мирон в лицо исправнику кафтан...

Он никому не стал рассказывать о визите дознавателя, посчитав случившееся недоразумением...

На следующий день, ожидая в беседке весточку от Лизы,

он увидел двух служивых, погоняющих коней в сторону их имения.

– Кто тут Мирон Кирьянов будет? – хриплым голосом обратился к нему с изъеденным оспой лицом худощавый солдат.

– Ну, я... – вышел к ним навстречу Мирон.

– Вас, сударь, в уездный суд требуют, – доложил он о цели своего визита.

– А чего им от меня нужно? – недоумённо пожал плечами Мирон.

– Да нам разве скажут, – подал голос другой, здоровый детина. – Приказано доставить и всё тут. Вы уж не извольте гневаться на нас, барин. Мы люди подневольные.

– Ладно, поехали, – вскочив на коня, последовал Мирон за служивыми...

– Ну, вот и похититель пожаловал, – с улыбочкой встретил его капитан-исправник. – Проходи, садись, – указал он на открытую дверь небольшой комнаты. – Ну, так что, скажешь, куда шкатулку с драгоценностями спрятал? – ехидно улыбаясь, наклонился он через стол к Мирону. Здесь, у себя, он не стеснялся в выражениях: двое конвойных, стоявших за дверьми, вселяли в него чувство спокойствия за свою неприкосновенность. – Вот, посмотри-ка! – протянул он Мирону исписанный лист бумаги. – Здесь всё описано: от момента твоей задумки и до совершения кражи.

Мирон бросил презрительный взгляд на бумагу:

– Меня не интересуют плоды вашего больного воображения, – отвернулся он в сторону.

– Ах, вон как!.. Может, ещё раз рассказать эту историю? – глядя на Мирона со злорадной ухмылкой, предложил исправник и слово в слово повторил сказанное во время вчерашнего визита.

Мирон, сверкая от гнева глазами, еле сдерживал себя, второй раз выслушивая вчерашнее обвинение дознавателя.

– Вот так, сударь, вы – вор!.. – наклонив вперёд голову, издевательски заключил обвинитель. – Это ж надо – обокрасть свою, можно сказать, невес... – и тут, не договорив до конца, он с грохотом растянулся на полу.

Удар кулака Мирона пришёлся по жирному лицу исправника, оно резко откинулось на спинку стула и вместе со стулом и его обладателем полетело на пол.

– Конвойный! – дико заорал исправник. – Скорее сюда!.. Убивают! – заголосил он, шепелявя лишённым зубов, окровавленным ртом. – Да я... Да я тебя – в Сибирь! В пожизненную ссылку!.. До губернатора дойду! – присвистывая в произношении, размахивал исправник руками...

«Лиза!.. Неужели она поверит в это нелепое обвинение?» – одолевали его тяжёлые мысли в темноте арестантской комнаты. Время потеряло для него свой ход. Сколько просидел он здесь: день, неделю? – вряд ли он смог бы ответить на этот вопрос...

Послышался скрип отодвигаемого засова, яркий свет по-

лосой ворвался в открывшуюся дверь.

– Выходи, – раздался хриплый бас охранника, и грубая рука подтолкнула его в направлении дежурного офицера. – Освободили тебя... Пока! – сделал тот ударение на последнем слове.

– Ступай... Надеюсь, мы скоро увидимся, – язвительно ухмыльнулся поручик.

Не заезжая домой, Мирон поехал к имению Воронцова. «Что его ждёт там, как встретит его Лиза?» – глядя на раскинувшиеся берёзовые рощицы, с трепетом в груди размышлял он. Не доезжая до усадьбы, Мирон привязал коня и пешком направился к знакомому дому.

– Куда ты, куда?! – замахал руками преградивший ему путь дворецкий. – Сейчас господам доложу, – часто оглядываясь на непрошенного гостя, засеменял он к дому...

– У него ещё хватило нахальности прийти сюда! – услышал Мирон через какое-то время срывающийся на визг истеричный голос Алевтины Николаевны. – Гони его вшаей!

– Хм-м... – хмыкнул Мирон от несправедливости слов хозяйки и твёрдо зашагал к крыльцу.

– Куда?! – попытался вытолкать его назад подоспевший дворецкий.

Легко отодвинув Евстафия в сторону, Мирон решительно прошёл в парадную комнату.

– Добрый день, господа! – как можно вежливее поздоровался он.

– Аф-аф!.. – не в силах произнести слова, тыкала пальцем в Мирона Алевтина Николаевна.

Григорий Павлович, отвернувшись к окну, даже не взглянул в его сторону.

– Я пришёл вам сказать, что нет моей вины в пропаже ваших драгоценностей! – чеканя слова, твёрдым тоном произнёс Мирон. – Это ужасное недоразумение! – попытался достучаться он до их сознания.

– Недоразумение, говорите?! – резко повернулся к нему Григорий Павлович. – А как же попал лоскуток от вашего кафтана между рамой и стеклом?! – наклонив голову и сверля глазами непрошеного гостя, с сарказмом выкрикнул он.

– Право, сударь, я сам в недоумении, – обескураженно развёл руками Мирон. – Ведь действительно этот крохотный лоскуток, что принёс дознаватель, удивительно точно совпал с изъяном полы моего кафтана, – как бы рассуждая с самим собой, продолжил он. – Но ведь вы неглупый человек, Григорий Павлович, для чего мне нужно было красть эти драгоценности, если я собирался просить руки вашей дочери? Наверняка какие-то из них предназначались для приданого, а остальные достались бы Лизе по наследству.

В тени угла комнаты раздался шорох, Мирон резко повернул голову на звук и встретился глазами с Лизой, до этого тихо сидящей в кресле. На минуту он осёкся, глядя в её холодные глаза.

– Лиза, извини, что не успел тебе сказать только что про-

изнесённых мною слов. Я собирался у Григория Павловича просить твоей руки, но эта кража, к которой я никак не причастен, встала на нашем пути, – не отводя взгляда, искренне произнёс Мирон.

Вместо ответа лёгкий румянец пробежал по её щекам. Воронцов, морща лоб и задумчиво поглаживая рукой подбородок, внимательно слушал Мирона.

– Да-а, господин Кирьянов... Не тот вы человек, чтобы позариться на драгоценности, – заключил он, глядя в глаза Мирону. – Я уже думал об этом... Действительно – зачем вам они? По службе вас ожидало успешное продвижение, ба-тюшка ваш не из бедных – вы единственный наследник, да и Лиза богатая невеста. Для чего вам красть?! – пожал плечами Воронцов. – У вас и так было бы всё... Да вот только улика – лоскуток от вашего кафтана?! – недоумённо развёл он руками. – Ничего не пойму!..

– Я тоже не могу понять, каким образом на раме вашего окна остался след от моего кафтана, – растерянно ответил Мирон.

Алевтина Николаевна с открытым ртом смотрела то на мужа, то на Мирона, всякий раз пытаясь вставить слово, когда кто-либо из них замолкал.

– Кто же тогда, по-вашему, похитил драгоценности?! – всё ещё срываясь на крик, влезла она в разговор. – И непонятно, отчего вы избили господина исправника – милейшей души человека.

– Да, кстати, он заходил вчера по нашему делу, – подхватил Григорий Павлович. – Вид у него, конечно, не ахти... Шепелявить стал при разговоре. Видать, крепко ему досталось... Очень уж он настроен против вас. Думаю, что вас ждут серьёзные неприятности.

– Да-а... Не сдержался я, когда он оскорбил наши отношения, – взглянув на Лизу, виновато произнёс Мирон. – Но я не раскаиваюсь в этом. Никто ему не позволял издеваться над моими чувствами к Лизе, – уверенно посмотрел он в глаза Воронцову.

– А что же произошло?! – с неподдельным интересом произнёс тот.

– Он сказал, что я специально заморочил голову Лизе, чтобы завладеть вашими драгоценностями – вот тут уж я не сдержался.

– Хм-м, – дёрнул головой Воронцов. – Рад бы вам поверить, да не могу... Улика – она перечёркивает все ваши доводы.

– Вот именно – перечёркивает! – выкрикнула Алевтина Николаевна. – Да ещё избиение государственного служащего. Судя по Никодиму Фадеевичу, ничего хорошего не ждёт этого молодого человека. И не нужно морочить голову нашей дочери. Идите, сударь, и ждите своей участи, – добавила она.

– М-да... – как бы соглашаясь с супругой, причмокнул Григорий Павлович.

– Лиза, а что же ты молчишь?! – остановил Мирон вопро-

шающий взгляд на притихшей молодой барышне. – Неужели и ты думаешь, что я украл драгоценности?!

– Украла вы их или не украла – не в этом дело, а суть в том, что это плохо кончится для вас, – с холодными нотками в голосе ответила та...

Угрозы свои дознаватель не оставил без действия, обивая пороги губернского суда, который в итоге вынес вердикт: виновен в краже драгоценностей и поджоге усадьбы помещика Воронцова, а также в избииении государственного человека – капитана-исправника Никодима Фадеевича Данилова. Посему подлежит пожизненной ссылке в Сибирь и возмещению всех убытков, причинённых господину Воронцову...

– Ваше высокопревосходительство! – обратился дежурный офицер к сидевшему за широким дубовым столом генерал-губернатору Николаю Васильевичу Репнину. – Господин Василий Афанасьевич Кирьянов просит у вас аудиенции.

«Кирьянов, Кирьянов... Вроде знакомая фамилия... Но где же я сталкивался с ним? – подперев подбородок рукой, задумался губернатор, не обращая внимания на ожидавшего ответ дежурного офицера. – Турецкая компания?.. Семилетняя война?.. Ах-да, точно война с пруссаками!.. Гросс-Егерсдорфское сражение... – Он вспомнил этого braveго подпоручика, когда их бригада под командованием генерал-майора Вильбоа, прижатая противником к лесу, стойко держалась под огнём прусских батарей. – Кирьянов... М-м-м-м... Василий, кажется, – если только это тот самый».

– Пусть заходит! – вскочил из-за стола Репнин.

– Ваше высокопревосходительство, соизволите оказать честь выслушать меня, – по-военному обратился Василий Афанасьевич.

«Да, тот самый Кирьянов», – сразу узнал сослуживца губернатор.

– Как же, как же!.. – раскинув руки, поспешил хозяин кабинета навстречу гостю. – Помню, помню вас, дорогой Василий Афанасьевич! – обняв Кирьянова за плечи, повёл он его вглубь кабинета. – Июль 1757 года, огонь прусских батарей. Сколько тогда полегло наших солдат на окраине леса, куда нам пришлось отступить, и какие ощутимые потери нанесли мы корпусу Левальда!

– Да-а-а... Благодаря нашему командующему и стойкости солдат, – вдохновлённо добавил Кирьянов.

– Давай садись и рассказывай, где ты теперь и что привело ко мне? – учтиво указал губернатор на кресло.

Поведав Репнину о жизни в имении, после того как он оставил военную службу, Василий Афанасьевич вкратце рассказал историю, приключившуюся с сыном.

– Ну не верю я, не верю, что это сделал Мирон! – вскочив с кресла, произнёс он. – И на тебе приговор – пожизненная ссылка в Сибирь, – развёл руками Кирьянов. – Возместить убытки – полбеды, не в этом дело... Честь офицера замарана, как теперь людям в глаза смотреть?

– Сядь, сядь!.. Успокойся... – похлопал его по плечу Реп-

нин. – Да-а, задал ты мне задачу, – задумчиво зашагал губернатор по кабинету. – С одной стороны, я тебе верю, а с другой: решение суда отменить не могу... Ведь представленные доказательства – не выкинешь... Прямо не знаю, чем тебе помочь, – в раздумье остановился он посреди кабинета. – Вот что!.. – поразмыслив, поднял он указательный палец вверх. – Государыня сейчас укрепляет южно-сибирские рубежи России – с Маньчжурией серьёзные разногласия по этим землям имеются. Много служивых отсюда отправляют для пополнения тамошних гарнизонов. Я могу распорядиться, чтобы включили Мирона в их число. Всё-таки служба на благо Отечества даст ему шанс через какой-то срок вернуться домой. Другого чего, извини, предложить не могу.

– Уж лучше в солдаты, чем пожизненная ссылка. Да и служба пойдёт на пользу моему сыну, хотя, возможно, и придётся двадцать пять лет солдатскую лямку тянуть, но тут уж – как Бог даст... Что ж, не всё офицерам быть в роду Кирияновых... – благодарно поклонившись губернатору, ответил Василий Афанасьевич...

Крестьянские парни, определённые в рекруты, со всех сторон стекались на сборный пункт, где молоденький подпоручик, надрывая голос, сортировал их по артелям¹. Ему вторили плач и причитания провожающих, пришедших в последний раз перед долгой разлукой увидеться со своими: сыновьями, женихами, друзьями. Тут же, прихрамывающий на

¹ Артель – группа рекрутов.

одну ногу служивый, быстро работая огромными ножницами, остригал пышные чубы будущих солдат.

Мирон глазами пытался отыскать Лизу. Но среди провожающих бросилась в глаза только враз постаревшая матушка, молчаливо серьёзный отец, Анна Петровна с заплаканными глазами и стоящие отдельной кучкой друзья, опечаленными взглядами провожающие своего товарища. Андрей, одной рукой удерживая поводья жеребца, второй украдкой смахивал навёртывающиеся на глаза слёзы.

Вдруг Мирон сорвался с места и в одно мгновение очутился рядом с друзьями.

– Дай-ка лошадь, я быстро – до Воронцовых и назад, – поспешно бросил он изумлённому Андрею.

– Бери, конечно, – протянул ему поводья друг.

– Куда?!.. – срываясь на хрип, заорал подпоручик. – Сейчас же в строй!

Но Мирон, не оборачиваясь, гнал галопом лошадь к усадьбе Воронцова...

– Ты чего это?! Опять?! – вскричал выбежавший на стук копыт Евстафий. – Уходи от греха подальше!

– Где Лиза?! – твёрдым стальным голосом спросил Мирон.

– Т-там... – протягивая руку в сторону березняка, ответил немного струхнувший дворецкий. – Госпожа отдыхают, в беседке, – добавил он, не выдержав настойчивого взгляда гостя.

Ничего больше не говоря, Мирон чуть ли не бегом кинулся в указанную дворецким сторону.

– А, это вы... – вместо приветствия холодно произнесла Лиза. – Почему вы здесь?

– Я думал, ты придёшь меня проводить.

– Проводить?!.. – широко раскрыла удивлённые глаза Лиза. – Отчего?!.. Извините, сударь, но вы мне не супруг и не жених.

– Но, я полагал... Наши отношения – они привязали нас друг к другу, – подавшись всем телом вперёд, произнёс Мирон.

– Может быть... – едва кивнула головкой Лиза. – Но теперь-то что общего между нами?!.. Помните, вы мне процитировали Сумарокова: «Какое барина различье с мужиком?..» Ответ поэта далёк от действительности: «И тот и тот земли одушевлённый ком...» Возможно, так оно и есть – в конце жизненного пути. А в жизни совсем по-другому: какое равенство может быть между барыней и холопом?!.. Надеюсь, вы поняли меня? – отвернулась она в сторону.

– Лиза, как можно вот так взять и враз всё разрушить? Ведь я не совершил ничего предосудительного! – искренним голосом, идущим из глубины души, воскликнул Мирон.

– Хм-м... – иронично хмыкнула Лиза. – Может, и так... Но неужели ты думаешь, что я отправлюсь за разжалованным в солдаты неизвестно куда? Хотя он и не совершил ничего дурного, – взглянула она на него высокомерным взгля-

дом.

– Лизонька! – слышался голос быстро семенившей к беседке Алевтины Николаевны; видимо, дворецкий уже доложил о непрошеном госте. – Непристойно тебе находиться в обществе какого-то солдафона... Пошли в дом.

– Иду, маменька... – поднялась Лиза и, гордо подняв голову, прошагала мимо Мирона.

– Убирайтесь отсюда! И оставьте мою дочь в покое! – обернувшись, гневно произнесла Алевтина Николаевна. – Выпроводи его отседова! – строго приказала она дворецкому.

Мирон с горестным лицом медленно опустился на траву.

– Господи!.. – поднял он глаза в бездонную высь неба. – Неисповедимы пути твои... Что ждёт меня там – в далёкой и загадочной Сибири?.. Дай же мне силы испить до дна эту горькую чашу.

Зайдя на крыльцо, Елизавета вдруг, дёрнувшись всем телом, с нежным рвущимся взглядом повернулась к Мирону.

– Пошли! – твёрдо произнесла Алевтина, увлекая дочь в открытую дверь...

– Идите, сударь, идите... – потряс его за плечо Евстафий. – Давайте по добру...

Мирон поднялся и медленно побрёл к ожидавшей у ворот лошади...

«Кто же так жестоко обошёлся со мной?» – который раз задавал он себе неразрешимый вопрос...

Три артели рекрутов, сопровождаемые поручиком и солдатами, поднимая сапогами пыль, двигались на восток... Где-то в десяти верстах от села Тугулым их встретил высокий столб с надписью «Сибирь». Здесь, крестясь и припав остриженными чубами к холодной земле, они со слезами на глазах шептали: «Прощай, матушка – Россия». ...А далее, в далёкой стороне, их ждали остроги, крепости, форпосты сибирских линий...

Сибирь

...Солнечный осенний день сентября 1785 года зарождался над сибирским Приобьем. Нежно-розовая полоса занявшегося рассвета багрянцем подёрнула стелющуюся над лесом и лугами сизую дымку марева, зажгла мириадами огней капельки утренней росы и позолотой упёрлась в раскинувшееся над водой облако тумана. Покой и тишина охватили безбрежную долину широкой Бии. Лишь время от времени всплеск крупной рыбы да скрип весла в уключине рыбацкой лодки, нарушая безмолвие, тревожили уснувшую в своём течении реку...

Служивый в форме хорунжего, увлечённо склоняясь над мольбертом, торопился быстрыми мазками кисти запечатлеть рождение нового дня. Разнообразие красок осени, рождённых светом пробуждающейся зари, быстро ложилось на белый лист бумаги...

Но вот первые лучи солнца, прорезав утреннюю мглу, пробежали по долине, осветили крутые берега реки, облицованные камнем стены крепости, скользнули по медным стволам пушек на бастионах и засияли на золотых куполах взметнувшейся ввысь церкви.

– Успел... – довольно вздохнул хорунжий, с удовлетворением рассматривая плоды своего труда.

Аккуратно уложив в сумку мольберт, он запрыгнул в сед-

ло своего скакуна и галопом погнал его к крепости...

...Усталые караульные, щуря посоловевшие от бессонной ночи глаза, вглядывались в туманную даль, застилающую горизонт.

– А чо, Никифор, говорят, манжурцы гдей-то недалече стоять, – скорее от скуки, чем из интереса спросил товарища дородный казак Андрон.

– Ну, а как жа! Слыхал, чо надысь хорунжий говаривал: верстах в двухстах лагерь ихней. Который уж год не уходят оттель, – зевая во всю ширину рта, кивнул на юг Никифор.

– Фи-и! Двести... Далё-ёко... – закатил глаза Андрон. – А вон Матвей Юшков за двадцать вёрст от крепости хотел сена накосить и вот на тебе...

– Чево тако?!.. – перебил его Никифор.

– Чо, чо – двенадцать дён в арестанской за енто просидел! – вызывающе ответил Андрон. – Ты, Никифор, будто не знашь, што комендант строго-настрого запретил без его дозволения дале заречного бору уходить. А из-за чего?.. Не пойму? – пожал он плечами.

– Хм-м... И я не пойму... – хмыкнул Никифор. – Говорят, россейска та земляца тепереча... А Матвея в поруб²?.. – пожал он плечами. – Вон сколь инородцев апосля войны с манжурами к нам в крепость припёрло... Которы здесь и поостовались – вон мой сосед Тархан, какой год уже в слободе живёт, – кивнул Никифор в сторону притулившихся к кре-

² *Поруб* – деревянный сруб, используемый в качестве места заключения.

пости избушек.

– Во-о!.. А нам туды, в Телеуцку землю, не позволяють... Можя, из-за золота? Правда иль нет, чо оно там в горах под ногами лежить? И самородки по рекам собирають... Чево твой сосед про то говорить? – остановил на сослуживце любопытствующий взгляд Андрон.

– Хм... Говорить!.. – криво усмехнулся Никифор, – ентот только лыбится... Ты вон Мирона Кирьянова спреси про ту землю, он за ясаком³, ой сколь по горам исходил! Вот только не видать, чо бы золотом разжилси... Да и чево об етом рассусоливать, всё одно нам туды дорога заказана, – махнул он рукой.

– Эт я так, для разговору, чо бы сон не сморил, – оправдался Андрон...

– О!.. Харунжий наш, уже назад возвращается, – заметили они скачущего всадника.

– Осип, ворота отворяй! – донеслось с дозорной башни...

– Ну, чего он там? – не услыша скрипа открываемых ворот, склонился вниз Андрон. – Вот даёт! – повернулся он к товарищу. – Стоя спить... Видал тако? А?!..

– Стоя?!.. – встрепенулся Никифор... – А слышал, Андрон, как его Степан Соколов перепужал... Вот такжа задремал на посту, ну а этот бугай подошёл да как гаркнуть ему в ухо – так Осип со страху аж обмочился.

– Ну, да?! – прыснув, закачал головой Андрон, погля-

³ Ясак – натуральный налог пушниной.

дывая на притулившегося к стене часового. – А ну-ка, по-
годь-ка, – достал он из-за пазухи половину подсолнуха.

Вышелушив семечки в карман, он метко запустил огрыз-
ком в прижимарившего служивого. Молодой конопатый сол-
дат, оторвав сонную голову от крепостной стены, непонима-
юще закрутил головой.

– Чево башкой крутишь, тетеря, ворота открывай! – пе-
ревесившись вниз, крикнул Никифор.

Поднимая пыль, хорунжий, мимолётно взглянув на часо-
вого, промчался в сторону солдатских казарм. И вновь в воз-
духе повисла усыпляющая тишина...

– Стройся!!! – вдруг раздалась команда около казарм.

Никифор с Андроном сразу взбодрились, делая вид, что
внимательно наблюдают за окрестностями. Преклонных лет
унтер-офицер, припадая на одну ногу, бегал вокруг скопища
солдат. Недовольно ворча – кого ногой, кого рукой – подтал-
кивал он заспанных служивых.

– Стройся!.. В шеренгу!.. По росту – я сказал!.. Куды ты
наперёд лезешь, недомерок?! Пшёл в конец!.. Ранжир⁴ спол-
нять! – срываясь на хрип, сортировал унтер служивых гар-
низона крепости. – Тьфу! И надо же было новому комендан-
ту смотр устроить, – сокрушался он.

– Хорунжий, твои все здесь?..

– Мои-то... – вытянув шею, осмотрелся Фёдор Иванов,
остановив вопрошающий взгляд на Мироне Кирьянове.

⁴ *Ранжир* – построение в шеренге по росту.

– Никита Назаров... – понимающе подсказал тот. – ...А-а, вон он идёт!

– Чего опаздываешь? – сердито зыркнул на сына Ефим Назаров...

– Мои все здесь!.. – крикнул Фёдор унтеру.

– Ты-то чего припозднился? – как бы между прочим поинтересовался у него Ефим.

– Заря нынче красивая занималась... Такие дивные краски, – не глядя на товарища, мечтательно произнёс Фёдор.

– Чево, чево? – не понял Ефим.

– А-а-а... – махнул рукой Фёдор. – Не понять тебе этого, Ефим. Нет в тебе жилки художника... Чево это колыванских не видать? – переведя разговор на другую тему, кивнул Фёдор в сторону казарм.

– Так они вчера промаршировали, а сегодня, по указке коменданта, за весь гарнизон службу будут нести. Кузьма сказывал, что Богданов шибко доволен остался их выправке.

– Видать там, в Барнауле, они только маршировкой и занимались, – усмехнулся Фёдор...

Молоденький, невысокого роста худощавый поручик бегающим взглядом окинул толпу служивых.

– Построением занимаюсь, ваше благородие! – вытянулся перед ним унтер.

– Вижу!.. – махнул рукой тот. – Вот-вот комендант появится, а здесь что – стадо баранов?! – зло окинул он взглядом застывшего перед ним служивого.

– Не могу знать, Ваше благородие!

– Равняйся!.. – заорал поручик во всю силу своих лёгких. – Унтер, давай вперёд! Право плечо вперёд, шаго-ом арш! – срывая голос, выкрикнул он. – Ать-два левой, ать-два правой, – похлопывал в такт команде хлыстом по руке поручик. – Ну и впрямь, как бараны за пастухом... – Ты чево вышагивашь, чисто гусак?! – подскочил он к идущему вразвалочку служивому. – Иде у тебя лева нога?! – оттянул он его хлыстом по спине.

– Ну, дык вон она... – стушевавшись, кивнул неопределённо вперёд служивый.

– Котора?!.. – зло впился в него глазами поручик.

– Ну, дык вроде... – втянул голову в плечи служивый, ожидая следующего удара хлыстом.

– Налево равняйся! – гаркнул впереди идущий унтер.

От комендантского дома шёл командир гарнизона Пётр Богданов в сопровождении офицеров. Поручик, махнув рукой на служивого, быстрым шагом направился к коменданту.

– Ваше высокоблагородие, вверенный вам гарнизон по вашей указке занимается строевой подготовкой, – вытянувшись в струнку, отчеканил он.

– Продолжайте, поручик, продолжайте... – кивнул комендант в сторону шагавших солдат.

– Слушаю-с! – развернувшись на каблуках, побежал он назад. – Ать-два, ать-два!.. Ногу тяни!.. – вновь эхом зазвучало над площадью... – Плечо держи! Носок вниз, куды пят-

кой! – зло сверкая глазами, шипел унтер, бегая впереди колонны.

– М-да... – недовольно нахмутив брови, отвернулся в сторону Богданов. – Никуда не годится такая маршировка. Видать, прежний комендант мало уделял внимания солдатской выправке. Вон вчера вечером роты майора Павлуцкого маршировали, – любо посмотреть. А эти... – взглянув на марширующий строй, махнул он рукой.

Офицеры молча потупились, не зная, что ответить командиру гарнизона.

– Ваше высокоблагородие, – первым подал голос сотник Кузьма Нечаев. – Ведь, почитай, на самой границе стоим – до маньчжурцев рукой подать, вот и приходится большей частью в дозоре людей держать. Да и ясак с инородцев – тоже наша забота. Когда ж маршировке обучаться?

Офицеры одобрительно загудели на слова Кузьмы.

– Значит, по-вашему, сотник, маршировка – лишнее в воспитании доброго солдата? – вопросительно-ожидаяще повернулся к Кузьме комендант.

– Никак нет, господин комендант. Просто я хотел сказать, что в нашем положении или, вернее, в возложенных на нашу крепость задачах – для маршировки не остаётся достаточно времени, да и офицеров, способных к обучению этой дисциплине, нет.

– Ну, ну... – безучастно ответил Пётр Богданов, пристально вглядываясь в марширующих по площади солдат. – Офи-

церов, говоришь, способных нет? А вон, посмотри-ка! – кивнул он в голову колонны. – Вот это выправка!.. Похвально, похвально... А как ногу ставит! И вон ещё кучерявый, рядом с ним – тоже неплохо. А ты говоришь, способных нет... Вот они!.. Чем не учителя?! – указал комендант на чётко чекающего шаг, высокого статного служивого. – Кто такие?! – вопросительно взглянул он на офицеров.

– Рядовой Мирон Кирьянов и урядник Никита Назаров, – ответил стоявший рядом поручик.

– Мирон Кирьянов из Смоленской губернии, – добавил Кузьма Нечаев. – Ко всему – он первый в стрельбе.

– Вот и направить их в помощь. Ну и с колыванского батальона парочку самых способных отрядить, – обвёл комендант взглядом свиту.

– Ваше высокоблагородие, – извиняющимся тоном обратился Кузьма. – Так кто ж ясак собирать будет? Мирон, считай, правая рука у Ефима Назарова. Третий год у нас служит, а уже и язык инородцев знает и где какие поселения в горах – смышлёный. Да и Никита, сын Ефима, с ними же.

– М-да, – крикнул комендант, заложив руки за спину и раскачиваясь с пятки на носок. – Ясак – дело серьёзное, но и про маршрутовку разговор я неспроста завёл. Сообщение на днях пришло из Барнаула: заинтересовался Сенат Телеуцкой землицей. Говорят, дошли слухи до Государыни, что золотишко там имеется. И полагают в управлении Колывано-Воскресенских заводов, что с весны не одну экспедицию

в горы послать придётся. А все дороги-то через Бийск идут. Вот и собираются к нам с проверкой крепости нагрнуть. А уж проверяющий непременно захочет смотр гарнизона устроить. Но когда?.. Если до снега не приедут, тогда только весной ждать.

– Да, да... – закивали головами офицеры, понимая важность момента.

– Так что с завтрашнего дня половина гарнизона – службу нести, а половина – маршировку исполнять, до седьмого поту гонять... – жёстким взглядом обвёл комендант свиту. – А Кирьянов и Назаров поручику помогать будут. Ну, а придёт время за ясаком ехать – освободим от маршировки, раз без них там не обойтись... И ещё вот что, господа... – продолжил Богданов. – Я хотел бы с вами обсудить депешу, полученную от управляющего Колывано-Воскресенских заводов, господина Качки. Поэтому просьба: всем быть после смотра в комендантской канцелярии...

Прохладный осенний ветер, ворвавшись через открытое окно, зашелестел бумагами на столе коменданта.

– Рассаживайтесь, господа, – показал рукой на стулья Богданов толпящимся около дверей офицерам. – Суть депеши его превосходительства в следующем... – дождавшись, когда офицеры рассядутся и в комнате установится тишина, начал комендант. – Совсем недавно в Барнауле, по поручению её Величества, побывал член имперского Кабинета генерал-майор Соймонов. В разговоре с ним Гавриил Симоно-

вич Качка показал образцы цветных камней и самоцветов, собранные рудознатоками в Телеуцкой землице. А также просил передать в подарок императрице несколько самородков золота, найденных в верховьях Би. Генерал-майор был поражён чистотой цвета и яркостью коллекции камней и весьма заинтригован самородками и рассыпным золотом, найденными экспедициями Чулкова и Шангина. Их превосходительство – Пётр Алексеевич – задержался на Алтае, знакомясь с отчётами экспедиций, чтобы собрать больше сведений о богатствах присоединённой территории, и вернулся в столицу с уверенностью заинтересованности императрицы начать серьёзные изыскания в Телеуцкой землице... Ну вот, пожалуй, всё, чем поделился со мной их превосходительство господин Качка, – испытующим взглядом обвёл присутствующих комендант. – Ну, а теперь, господа, прошу высказываться...

– А что тут может от нас зависеть? – первым взял слово майор Павлуцкий. – Приезжал как-то в Барнаул господин Соймонов, нас тогда маршировать заставили – показательный смотр горного батальона устроили. Серьёзный человек и хорошо разбирающийся в геологии. Если его заинтересовали алтайские самоцветы, значит Сенат возьмётся всерьёз за Телеуцкую землицу. Да только нас спрашивать о чём-то никто не станет.

– Да, вы правы, майор, – согласился комендант. – Спрашивать нас никто не станет, но, если в те места любители

лёгкой наживы – золотоохотники – кинутся, – вот здесь с нас со всей строгостью спросят, почему наши дозорные не уследили за расхитителями её Величества собственности.

– Это, конечно... Знамо дело... – загудели офицеры.

– Ну, вот... – одобрительно кивнул комендант. – Поэтому необходимо изменить порядок патрулирования местности, увеличить число дозорных вверх по Бии; всех подозрительных, пробирающихся в сторону Телесского озера, доставлять в канцелярию. Поручаю это дело вам, майор, и сотнику казаков Кузьме Нечаеву, – кивнул он на того и на другого. – О принятых нами мерах я сообщу их превосходительству... Он ждёт от нас конкретных действий, – поднялся комендант, давая понять, что разговор закончен...

Сброшенный наземь наряд берёзовых рощ золотистой позёмкой шелестел по убегающей вдаль равнине. Жёлтые листья, подхваченные порывами ветра, хороводом кружили вокруг небольшого отряда дозорных, патрулирующего местность к востоку от Бийской крепости. Растянувшись по летнику⁵, казаки, скорее от скуки, изредка перебрасывались короткими фразами. Мирон с Никитой, немного поотстав от товарищей, лениво поглядывали по сторонам. Их лошади, отгоняя хвостами назойливых мух, бок о бок брели по идущей берегом реки дороге, петляющей среди перелесков березняка и сосен.

– Хоть в дозор вырвались, – тяжело вздохнув, произнёс

⁵ *Летник* – дорога, которой пользуются только летом.

Никита.

– Что, замучила уже маршировка? – улыбнувшись, ответил Мирон.

– Не знаю, как у тебя терпения хватает, а мне уже это как надоело... Ну, разве можно деревенского мужика научить правильной маршировке? – с досадой в голосе продолжил Никита. – Я ему говорю: «Плечо держи», а он за него рукой хватается. «С левой ноги начинай», а он мне: «Котора левая?» И откуда только таких бельмесов⁶ набрали? – усмехнувшись, пожал он плечами.

– Да не бери ты это в голову... На следующей неделе за ясаком поедем – хорунжий сказывал... А тебе отец ничего не говорил?

– Ничего... – покачал головой Никита. – Мы с ним видимся-то утром да под ночь – когда спать ложиться.

– Эй, друзья, что вы сзади плетётесь?! Догоняйте! – крикнул командир дозора Фёдор Иванов.

Мирон с Никитой пришпорили лошадей и тут же смешались с основной группой патрульных. Густой лес из берёз и сосен обступил казачий патруль, вдали слышалось разноголосое пение петухов.

– Ну, вот и маяк Бехтемирский недалече, – пояснил ехавший впереди Григорий Зеленцов.

– Можя, уже назад повернём? А?.. Господин хорунжий?

– А ты что – на маршировку торопишься? – пошутил Фё-

⁶ *Бельмес* – ничего не понимающий.

дор.

– Да упаси Господь, Ваше благородие! – истово перекрестился Григорий.

– Его апосля маршировки бабы на коня подсаживают, – срываясь на смех, выдавил из себя Иван Зорин.

Дружный хохот казаков спугнул притаившихся в ветках деревьев птиц.

– Чо вы гогочите?! – перекрыл смех Григорий. – Коли взаправду, так мне ентот хромой унтер ужо по ночам снится. Да, кода ещё эти двоя, – кивнул он на Мирона с Никитой.

Новый взрыв смеха утонул в густых лапах сосен.

– Видать, мало мы с Мироном вас гоняем, если не каждую ночь ты нас во сне видишь, – хватаясь от смеха за живот, ответил Никита...

– Ну, до маяка ещё добрых две версты. И приписано нам не только до туда местность осмотреть, но ещё и вокруг маяка обойти, – дождавшись, когда смех уляжется, произнёс Фёдор. – Неплохо бы привал сделать, – закрутил он головой, высматривая подходящую полянку. – Воды маловато, где бы набрать?

– Я знаю! – вызвался Мирон. – Здесь родник недалёко. Когда с Ефимом за ясаком едем, всегда около него останавливаемся... Мы его немного проехали.

– Я с тобой! – спохватился Никита.

– Да ладно... – махнул рукой Мирон. – Чего лошадей по лесной чаще гонять... Что я, один не управлюсь?

Взяв две большие плотные кожаные сумки, предназначенные для воды, Мирон, пришпорив коня, скрылся в зарослях деревьев. Пробравшись напрямки через бурелом, он оказался у места, где небольшие холмы образовывали полукруг. Кристально чистая вода стекала у подножия в крошечное озерко и тоненьким ручейком убегала в сторону реки...

Наполнив обе сумки, Мирон перебросил их через спину лошади и в поводу повёл её назад. Проходя мимо старых берёз, он заметил пень, покрытый шапкой опят.

– На похлёбку сгодятся, – скинув плащ, присел около пня Мирон.

Словно цирюльник, увлёкшись, сбрасывал он кинжалом молоденькие душистые грибы... Остриё ножа, проколов кожу, упёрлось ему в шею.

– Брось кинжал! Крикнешь – горло перережу, – прохрипел грубый мужицкий голос сзади.

Мирон, захваченный врасплох, медленно положил на землю кинжал.

– Кто ты? И чего тебе надо? – как можно спокойнее спросил он.

– Кто? Я?! – ехидно усмехнулся незнакомец. – Душегуб!.. А надоть мне одёжу твою и коня.

– Потап, чо ты с им валандаешься⁷, кончай яво быстрее! – раздался нетерпеливый бас.

– Погодите, мужики, а, может, золото возьмёте?

⁷ Валандаться – возиться.

– Золото?! А откель оно у тебя – золото? – недоверчиво усмехнулся хрипатый.

– Не слушай его – врёт он. Такие за золотом не ходють. Ишь, при хформе – служивый, видать. Кончай яво и делов-то!

– Да сейчас все кому не лень золото моют, слух пошёл, что есть оно в этих местах. Вот и мы с брательником решили урвать себе кой-чего... Вон, за поясом, глянь – мешочек с золотым песком. Коли не веришь.

– А, ну-кась, иде? – отпустив нож от шеи, наклонился хрипатый.

Молниеносно схватив руку незнакомца, Мирон с силой перекинул его через себя, с размаху опустив на остриженный от грибов пень.

– Ох!.. – коротко крякнул хрипатый, раскинув руки.

В это же мгновенье Мирон резко обернулся и едва успел увернуться от сучковатой сосновой оглобли, летевшей ему в голову.

– Ах ты, гад! – кинулся на него с ножом худощавый бородатый детина.

Изловчившись, Мирон перехватил его кисть и рывком завернул за спину.

– Больно!.. Руку сломашь!.. – прохрипел детина.

– А к чему тебе рука? – в сердцах ответил Мирон. – Тебя всё равно повесят как разбойника... Вместе с твоим товарищем – коли очухается.

– Не погуби!.. Не разбойники мы – вот те крест!.. Беглые...

– А ежели не разбойники, чего ж едва жизни меня не лишили?

– Попужать малость хотели, чтобы на помощь не позвал. Думаешь, не слышали, сколь вас там – не мене десятка мужиков заржало...

– Чево делать-то удумал?.. – с тревогой в голосе пробасил бородатый.

– Отвезём в крепость. Ну, а дальше, думаю, тебе понятно, – связав разбойнику руки его кушаком, ответил Мирон.

– Пожалей ты нас, Христа ради! – взмолился детина. – Если возвернут нас назад – заперючь до смерти солдаты. Сколь беглых уже на том свете почивают.

Мирон испытующе взглянул в полные мольбы глаза искренне взмолившегося мужика.

– Садись!.. Поговорим... – кивнул он на поваленное дерево, развязав ему руки. – Звать-то как?

– Осипом кличут. А яво – Потап, – указал он на начавшего приходить в себя товарища. – Шибко ты яво саданул. Кабы не помер.

– Очухается... – безразлично бросил Мирон. – Ну, так расскажи, Осип, кто вы и откуда, чего вас сюда занесло – а там посмотрим, как с вами поступить.

– Всё скажу, как на духу! – прижал руки к груди Осип. – Только помилосердствуй к нам, горемыкам!.. Троя нас бе-

жало с Барнаульского заводу. Моченьки никакой ужо не было каторжну работу сполнять. Онисим-то дорогой помер, чухотка у яво была, хотел хоть перед смертию вольным духом дохнуть. Недалёко от Гордеевой и похоронили яво. А мы с Потапом к Беи стали пробираться. Знамы мне ети места, я ведь на Бехтемирским маяке два годочка отслужил, отсель и взяли меня в завод натместо службы... Чо ишо-то сказать?.. – развёл руками Осип.

– Так что ж, выходит, вы досюда добрались вот так вот – без еды, без сапог?.. – вопросительно взглянул на него Мирон.

– Был грех... – вздохнул Осип. – У каво котялок, у каво топор, а иде курицу поймам – вот так и дошли досель. За рекой-то спокойней будет – тама, считай, Телеуцка земляца – ни поселений, ни служивых.

– Тяжело вам будет, – покачал головой Мирон. – Не вовремя вы бежать вздумали – зима на носу. А погляди-ко на свою одёжу?! – кивнул он на перевязанные верёвкой опорки⁸.

– Знаю... – почесал затылок Осип. – К инородцам будем пробираться. Люди говорят, добры они, в приюте не откажут... Топор есть, ежели чево – срубим времянку.

– Ну, вот и твой товарищ очухался, – кивнул Мирон на сидящего около пня Потапа.

– Ты, Потап, того – повинись перед служивым, коли назад

⁸ *Опорки* – остатки стоптанной и изодранной обуви, едва прикрывающие ноги.

не хошь. Запорють нас там солдаты до смерти.

Потап, осознав положение дел, кряхтя и охая, поднялся на ноги.

– Не погуби, добра душа! От отчаянья в разбой пошли. Отпусти ты нас, горемычных, – хватаясь за спину, с надеждой поглядел он на Мирона.

– Идите с Богом... Заберите, пригодятся, – вернул Мирон им ножи. – Вот, ещё... Возьмите... – достал он из сумки солдатский паёк. – Всё хоть не на пустой желудок идти. Да поосторожней: в этих местах дозоры усиленные, поймают – отправят назад, в Барнаул.

– Добра ты душа... За зло добром платишь, – кланяясь до самой земли, поблагодарил Осип.

– Ты уж не серчай на нас, – потирая зашибленные места, в унисон товарищу поддакнул Потап.

– Ладно, забудем... Пора мне, мужики, в отряде беспокоиться будут, – подобрал Мирон поводья лошади и через лес направился к своим...

– Мы уж забеспокоились: не заблудился ли? – встретил его Никита. – Чево так долго?

– После расскажу, – буркнул Мирон, выкладывая возле костра опята...

– Во!.. К похлёбке хороший добавок! – воскликнул Семён Шубин, помешивая закипевшее варево. – Дай-ка немного водички сполоснуть их...

– Грибы?! – удивившись, протянул руку Фёдор. – Осенью

пахнут, – поднеся к носу сросшуюся семейку опят, прикрыл он от наслаждения глаза.

– Вы, видать, господин хорунжий, шибко не равнодушны к грибам, – хохотнул Семён.

– Детство напоминают – Подмосковье, – бросив невидящий взгляд поверх казаков, мечтательно произнёс командир.

Тень грусти мелькнула в глазах Мирона от слов Фёдора, задумчивый взгляд на мгновение застыл на его лице.

– Что с тобой?.. – заметил внезапную перемену в настроении друга Никита.

– Да так, что-то взгрустнулось... Осень... – грустно улыбнулся Мирон.

– Ну, ты прям как наш хорунжий, – поглядывая на Фёдора, шепотом произнёс Никита. – Ему бы ещё стихи сочинять...

Мучительная мысль, престань меня терзати

И сердца большие не смущай.

Душа моя, позабывай

Ту жизнь, которой мне вовеки не видати! –

процитировал Мирон отрывок из стихотворения.

– Ты что, стихи сочиняешь? – округлил от удивления глаза Никита. – ... Там все такие? – неопределённо кивнул он головой, подразумевая Московскую губернию.

– Да нет... – улыбнулся Мирон. – Люди такие же, как здесь, просто есть в некоторых, как говорит Фёдор, творче-

ская жилка. А стих этот не мой, но про меня.

– А-а... – не поняв сути сказанного, протянул Никита. – Это ж надо!..

...Солнце уже скатилось за полдень, когда отряд, закончив патрулирование, повернул в крепость. Серебрящиеся в ярких лучах солнца паутины, раздуваемые ветерком, тончайшими кружевами повисли над дорогой.

– Ну, так что у тебя там на роднике стряслось? – смахивая с лица тонкие щекочущие нити паутин, вспомнил Никита обещание Мирона рассказать о своей задержке.

– Беглых встретил... – как бы само собой разумеющееся произнёс Мирон и рассказал товарищу об инциденте у родника.

– А если б тебя тот, другой, зашиб этой оглоблей?

– Но ведь я ж увернулся... Да и понял, что от отчаяния они на разбой пошли. Слезно повинились в этом оба. Ну и отпустил я их с Богом.

– Знаешь, правильно сделал, – немного помолчав, ответил Никита. – Я вот вспомнил одну историю: дядька Григорий к нам приехал из Шубенки, ну и выпили они с отцом после баньки да разговорились о жизни. А я только спать лёг, лежу и слушаю их разговор. Отец рассказывал: в горы они к монгольцам за лошадьми ездили и вот так же, на обратном пути, на беглых наткнулись. И вместо того, чтобы назад их возвратить, они им кой-какой живности дали и коня – пашню пахать. После, сколь уж времени прошло, ехали мимо, ну

и заскочили в то место. Интерес их взял – живы ли?.. Так там, говорит, такое хозяйство крепкое, и ребяташек ещё народилось.

– Ну вот, видишь, большей частью те, которые бегут с заводов и рудников, простой крестьянской жизни хотят, и я им в этом не хочу быть помехой, – подытожил Мирон...

– А знаешь, приходи сегодня к нам в баньку, – сменив тему разговора, предложил Никита. – После такой прогулки неплохо бы попариться... Сегодня суббота – банный день, – с надеждой, что товарищ не откажется, взглянул он на Мирона.

– Да неудобно как-то, – замялся тот.

– Брось ты! – сморщился Никита. – Неудобно лаптем шти хлебать. А к товарищу в баньку – завсегда пожалуйста!

– Слушаюсь, «в баньку», господин урядник! – взяв под козырёк, улыбнулся Мирон...

– У-х-х!.. Хорошо! – выдохнул Мирон, бухнувшись на брёвнышко рядышком с Никитой.

– Ну, что ещё разок – жару много, – вытянув ноги и привалившись к стене бани, предложил тот.

– С удовольствием... – щурясь от заходящего солнца, ответил Мирон. – Чуток только передохну... Ваши-то все помылись?

– Все. Мы последние... Кваску бы щас, холодненького, – мечтательно произнёс Никита. – Говорил Глафирке, чтобы

квасу в баню принесла, – дак нет, стесняется, видите ли, она. А чево стесняться? Поставила бы бутыль около двери – и делов-то! А-а, ладно... – махнул он рукой. – Пошли парить-ся...

– Проходи, проходи, Мирон, – бросив короткий взгляд на покрасневшихся после бани друзей, засуетилась матушка Никиты Настасья. – Вот-вот пельмени будут готовы – вода уже закипела... Присядьте пока на лавку.

– Глафира, налей-ка нам по кружке квасу, – позвал Никита сестру.

– Вам какого? Холодного из погреба или потеплее с избы? – краснея, спросила Глафира Мирона.

– Холодненького, конечно, лучше – если за ним в погреб идти не надо, – отведя взгляд, чтобы не смущать девушку, ответил Мирон.

– А я его уже принесла, – спохватилась Глафира, кивнув на запотевшую бутыль.

– Это она, вас ожидаючи, ужи и квас из погреба притащила, да всё в окошко выглядывала, када вы из бани возвратитесь, – защebetала выбежавшая из соседней комнаты маленькая девчушка.

– Чево ты мелешь, Варюшка, а ну, дуй назад к своим куклам, – ещё больше покраснев, прикрикнула Глафира...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.